

Классическая повесть

Сказание о Чхун Хян

Классическая повесть

Сказание
о Чхун Хян

Литературная обработка
Чо Ен Чхура
Перевод с корейского
В. Н. Гришаева
Ли Док Мана

Издательство литературы на иностранных языках
Корея, Пхеньян
1991

О КЛАССИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «СКАЗАНИЕ О ЧХУН ХЯН»

«Сказание о Чхун Хян» – одно из выдающихся повествовательных произведений, которые широко распространялись среди корейского народа в средние века. Имя автора этой повести до нас не дошло, потому и принято считать ее произведением народного творчества. Человечеству немало известно таких сказаний во всех странах. Корея тут не исключение.

Эта повесть, занимающая важное место в истории корейской литературы, разоблачает и критикует феодальные сословия и доказывает, что юноши и девушки вправе любить друг друга, независимо от различий в имущественном положении и сословиях. Она передавалась из поколения в поколение как фольклор и лишь в XVIII веке обрела форму литературного произведения, в каком виде дошла и до нас.

Повесть состоит из двух частей. В первой части говорится о любви между Чхун Хян и Мон Рёном и об их вынужденном расставании. Во второй части речь идет о том, как Чхун Хян протестует против произвола нового наместника – злодея Пен Хак То, как карает его Ли Мон Рён, ставший тайным королевским ревизором, и с каким волнением и радостью встречаются вновь влюбленные.

Через любовь и верность Чхун Хян и Мон Рёна на фоне феодальных порядков и жизненных устоев повесть глубоко раскрывает социально-классовые

противоречия общества того времени. В феодальном обществе периода династии Ли, основанном на острых противоречиях классовых сословий, была немыслима любовь между дочерью из семьи простолюдина и сыном дворянина, но Сон Чхун Хян и Ли Мон Рён, преодолев всякие преграды и препятствия, добились наконец своего.

В этом отражены гнев и протест народа против общественного строя феодализма, навязавшего дискриминацию низшему сословию. Вместе с тем это показывает, что настоящая любовь и свобода есть необоримое стремление и вековое чаяние народа, что попирающая их феодальная сословная система должна быть отменена.

Редакция предлагает читателям в русском переводе «Сказание о Чхун Хян» – один из выдающихся шедевров корейской литературы, созданных нашими предками.

В Корее по мотивам этой классической повести созданы художественный фильм (в двух частях) и национальная опера.

Часть первая

Весна. Радостный весенний праздник тано – пятое число мая.

Девушки из окраинных приземистых жилищ простолюдинов вышли на прогулку к беседке Кванхан – достопримечательному месту уезда Намвон. Среди них была и Чхун Хян. Она пришла сюда вместе со служанкой Хян Дан покачаться на качелях. Это на поляне, где веселятся девчата.

Чхун Хян обута в вышитые шелком фиолетовые кожаные туфли с загнутыми кверху носками, одета в желтую кофточку и юбку малинового цвета. В изящно заплетенную черную косу ее вплетена разноцветная шелковая лента. От тяжелой косы ее не оторвешь взгляда, до чего она красива.

Покрытая зеленою чадрой, девушка напоминала собою только что расцветший прелестный цветок. Овальная да румяная, она была сказочно хороша собою. Легкая улыбка не сходит с ее приветливого лица, искристой радостью сияют ее прелестные черные глаза, бархатные брови ее изогнуты и как бы парят в разлете, точно крылья летящей птицы.

У ног ее бежит светлый ручей. Она то окунает свою тонкую руку в быстротекущие хрустальные струи и достает со дна чистую гальку, то сорвет травку и бросит ее в журчащий ручей. Ей кажется, что все вокруг тут наполнено радостью и счастьем. Она всматривается в свой облик, отраженный в бурливой воде, и невольно краснеет от тайной мысли,

овладевшей ею. О чем же сейчас девичья дума ее?..

Люди говорят, что счастье дает бог. Правда ли это? Задумавшись над этим, она слегка вздохнула. Говорят, на свете бедных и несчастных людей больше, чем богатых и счастливых. Зачем же это так устроено?..

Чхун Хян родилась дочкой кисэн и росла, безотцовщина, не повидав отца в лицо. Это было для нее большим несчастьем. Но она пока еще и не знала и не сознавала, какое же это великое несчастье.

В уездном городе Намвон провинции Чолла жила известная кисэн Воль Мэ. А янбан из Сеула по фамилии Сон одно время был наместником Намвона. У них-то и родилась дочка Чхун Хян. После Сон был назначен заместителем начальника приказа и вернулся в Сеул. Он обещал Воль Мэ забрать ее с дочкой в столицу, но обещания своего не исполнил. А вскоре и умер. И осталась Воль Мэ одна с дочкою на руках.

Глаза ее не просыхали от слез, но она все же решила вырастить единственную свою дочку достойной, чтобы она ни в чем не уступала дочерям дворянским из богатых семей. Она обучала ее не только грамоте, музыке и рисованию, но и шитью, ткачеству и кулинарии, а также всем приличиям, чтобы дочка смогла справиться в жизни со всяким делом как невестка и как жена. Все местные жители восхищались ее красотой и талантом...

И вот сейчас, глядя на свое отражение в чистых водах ручья, она погрузилась в глубокое раздумье. И складывался в ее душе напев.

Откуда пришла эта весна
С ароматными цветами у ручья?
Кому принесла она радость?..

Она мурлыкала про себя это, сложенное на ходу.

– Госпожа, сегодня вы читаете странные стихи, никому неизвестные, – весело сказала следовавшая за нею Хян Дан. – Хо-хо, какие стихи!

– Неужели ты разбираешься в стихах?

– Пытаюсь... А что значит строка – «Кому принесла она радость»? Хо-хо...

– Хян Дан, оставим шутки. Пошли-ка скорей к качелям...

И они поспешили к тому игрищу, где было весело всем.

У качелей уже собрались женщины, и качели подхватили их и понесли качать от земли к небу и от неба к земле. Скорость такая, что дух захватывает.

Поодаль мужчины начали борьбу «сирым» за быка, или попросту – схватка быков. Тут же начались и соревнования по стрельбе из лука. А кто-то под Раскидистым деревом устроили аппетитную пирушку.

Словом, всякому тут нашлось свое занятие.

Ли Мон Рён, сын наместника уезда Намвон, читал в своем кабинете новую для него книгу. Сделав перерыв, вышел во двор, где разбит многокрасочный палисадник. Он очень залюбовался цветами, над которыми порхают пестрые бабочки. Наскучило ему сидеть дома, а усадьба вся огорожена высоким забором, и захотелось ему прогуляться на открытом воздухе.

– Куда же задевался этот Панчжа? Не с кем даже и

поговорить, – прошептал он с упреком в чей-то адрес.

Отец его, Ли Хан Рим, будучи янбаном, жил в престижном квартале Самчхон в Сеуле, да вот назначен наместником Намвона, и парень был вынужден переселиться сюда вместе со своими родителями.

Ли Мон Рён был похож на известного красавца Хо Дона – принца государства Когурё, обладал необыкновенным великодушием и талантом. Он штудировал стихи Чон Сон Гана, знаменитого поэта XVI века, и освоил почерк Хан Сок Бона, выдающегося каллиграфа того же века. Отец высоко ценил необыкновенный ум и талант сына и надеялся, что он выдержит экзамен на государственную должность и станет сановником.

Хан Рим учил своего сына янбанской этике и морали и не щадил ни малейшего их нарушения. Он считал за незыблемые правила поведения пять этических норм: долг между королем и верноподданным, любовь между родителями и детьми, разница в правах между мужем и женой, очередь в семейной лестнице и вообще в обществе между старшими и младшими, взаимная вера между друзьями. Это, на его взгляд, отличало людей от животных. Он читал немало книг, но старался внедрить в сознание сына главным образом эти моральные принципы.

Слушать отца в этих нравоучениях Ли Мон Рён так привык, что есть три раза в день, и они теперь казались ему лишь пустословием. Каждый день он, встав с постели, умывался, приводил себя в порядок, завтракал и с книгой в руке шел в комнату главы семьи, кланялся отцу со сложенными перед лицом

ладонями, почти касаясь лбом пола, читал наизусть урок, который выучил вчера.

Заканчивалась эта картина так. Отец, важно сидевший на шелковом ковре, покашляв, внимательно слушает сына, потом хвалит за прилежание или строго упрекает, что нельзя стать настоящим человеком, если проявлять такую лень в занятиях.

При этом в большинстве случаев он не хвалил, а упрекал.

Так что было не так уж легко жить и учиться у такого строгого отца...

Тем временем Панчжа вошел во внутренние ворота, широко улыбаясь. Мон Рён, подражая отцу, упрекнул его строгим тоном:

– Ты куда девался, почему так поздно пришел? В своем ли ты уме?

– Господин, сегодня же праздник тано. Я сходил домой переодеться...

Панчжа не переставал улыбаться в своем чисто выстиранном халате без рукавов, поглаживая его темно-синие полы. Мон Рён не без удивления всматривался в облик друга, превратившегося в настоящего красавца. И одет он был хотя и не так богато, но броско: белоснежные длинные носки, изящные лапти, сплетенные из конопли, голова с заплетенными в кружок волосами повязана белым платком, а на макушке войлочного колпака болталась красная кисть.

Мон Рён при этом вспомнил, что осиротевший Панчжа живет у бабушки по материнской линии в поселке за казенной школой.

Подумав, зачем он сегодня одет так франтовато, расхохотался.

– Господин, что с вами стряслось такое?

– Ха-ха-ха... Кажется, ты флиртуешь не на шутку.

А лукавый Панчжа с серьезным видом начал такую свою тираду:

– А какое же хорошее наступило время! Горы утопают в свежей зелени, и расцвели всевозможные цветы. Золотистые соловьи летают парами и рассыпаются трелью. А бабочки кружатся над цветками, и девушки в прелестных нарядах выходят на прогулку по достопримечательным местам. Как же тут не флиртовать парню, если он не каменный Будда?

– Ну, хватит. Сегодня я тоже хочу прогуляться... А как много природных красот у вас в Намвоне! Назови их, сколько знаешь.

– По-моему, так не годится делать вам, изучающим науки.

– Нет, ты не прав. Издревле писатели и талантливые люди подолгу любовались замечательными пейзажами, чтобы создать хорошие произведения. Это своего рода закон. Чон Сон Ган смог создать знаменитые стихи «Квандон бельгок» только благодаря тому, что видел горы Кымган, а Чон Чжи Сан не смог бы сочинить широко известное произ ведение «Нампхо бига», если бы он не увидел реку Тэдон. Выдающиеся стихи полководец Нам И писал на горе Пэкту, флотоводец Ли Сун Син – на острове Хансан. По книге «Тонгукечжисыннам» мы знаем, что все достопримечательные места нашей страны породили замечательные стихи, достойные их.

– Ваша правда, господин. А и у нас в Намвоне тоже немало мест, достойных стихов. На востоке от нашего города возвышается гора Пэккон, напомина-

ющая собою знаменитую гору Чири, а вдали на западе – гора Порён. А как выйдешь из Северных ворот, увидишь Кёрёнсанскую крепость с причудливыми скалами, а за Южными воротами, на берегу реки Рёчхон стоит беседка Кванхан, крыша которой похожа на распахнутые крылья птицы.

Мон Рён ударил веером по ладони и отозвался об этом так:

– Хорошо уже само название этой беседки Кванхан – «Простор и прохлада». Помнится, о ней говорится и в книге «Тонгукечжисыннам».

Он скоренько вошел в комнату, взял с полки одну из множества книг и стал ее перелистывать, ища нужную ему страницу.

– Вот здесь. Хван Су Син пишет об этой беседке: «В южной стороне от уездного центра Намвон, на пологой возвышенности стоит небольшая беседка Квантхон. От времени она стала ветхой. Но затем она была реконструирована, и Чон Рин Чжи переименовал ее в Кванхан...» О ней сочинены стихи, – сказал он и стал читать:

Немало красивых мест в Хонаме,
Но первое из них в нашем уезде.
Больше не найдешь нигде
Беседки красивей Кванхан.

– Да, эти стихи точно отражают душу жителей нашего Намвона, – сказал Панчжа и спросил, о чем еще написано в этой книге.

– Тут есть и стихи таких известных поэтов, как Кан Хи Мэн, Ли Сок Хен, Сон Им. Но, как говорят,

лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. А теперь, Панчжа, готовься к прогулке.

– Но нет же на это разрешения вашего отца, – испуганно ответил слуга.

– Наверно, гость уже ушел. Пойду поклонюсь отцу и заодно попрошу у него разрешения на прогулку. А ты пока подготовься. Впрочем, натощак и песня не поется.

– Верно сказано. Голодному не видны никакие красивые пейзажи. Но, господин, вы обо мне не беспокойтесь. Идите скорее и только, пожалуйста, получите разрешение отца...

Ли Мон Рён с книгой под мышкою направился в сторону комнаты главы семьи. Он волновался, думая, что столько строгий отец, вероятно, будет опять упрекать вместо разрешения, а потому лучше бы сразу пойти посмотреть беседку Кванхан, а потом уж и выслушивать его упреки. Но, передумав, снял обувь на камнях и вошел в комнату.

Кстати, там была и мать, она разговаривала с отцом, который был сейчас в добром душевном расположении. Ли Мон Рён отвесил низкий поклон и четко произнес часть вызубренного вчерашнего урока. Отец, так скупой на похвалу, одобрил такое исполнение, похвалил сына за отличную учебу и добавил, что если он будет продолжать так успешно заниматься, то сможет выдержать экзамен на государственную должность. Мать радостно улыбнулась, услышав это.

Не упуская удобного момента, Мон Рён и попросил отца:

– Сегодня праздник тано. Разрешите, пожалуйста,

пойти к беседке Кванхан полюбоваться пейзажем. Заодно прочту и вывешенные там стихи Кан Хи Мэна, да постараюсь и сам сочинить строчку-другую.

– Ты, видно, читал «Ечжисыннам»?

– Да, читал.

– Неплохо, конечно, читать и такую книгу. Но нехорошо, что красоты природы ходит посмотреть сын янбана, еще не успевший выдержать государственный экзамен.

Отец все это высказал тихо, но настолько серьезно, что сын насторожился. Мать осторожно вмешалась:

– Сегодня весенний праздник. Думаю, что неплохо бы разрешить ему освежиться на открытом воздухе и писать стихи.

Хан Риму понравилось намерение сына не просто прогуляться, а и сочинять стихи, и он дал ему на это свое разрешение. Но не забыл и лишний раз высказать ему и свое нравоучение.

– Ладно, иди. Но не забудь соблюсти и правила приличия семьи янбана. Нельзя посещать места, где собираются невежественные простолюдины, и вести лишние разговоры со случайно встретившимися людьми. И не ходи дальше беседки Кванхан.

– Я понял...

Мон Рён еще раз поклонился отцу и вышел в приподнятом настроении. Он вошел в комнату мАтери и оделся в новую одежду, поданную ему мАтерью. В праздничном наряде он был великолепен. Красивое лицо и стройная фигура в белых брюках из плотного рами, в синей блузе и ритуальном желтовато-зеленом халате с широкими рукавами, схваченном лиловым поясом, сплетенном из тонких

ниток. В длинную, промасленную и изящно заплетенную косу вплетена фиолетовая шелковая лента с рубином.

Мать и домашняя портниха глядят на Мон Рёна с нескрываемым восхищением.

Наконец он обулся в кожаные туфли с загнутыми носами и скорыми шагами направился в свою комнату.

– Ах, какой у вас прелестный наряд!.. Уж не собираетесь ли вы, господин, жениться? Хэ-хэ-хэ, – сказал Панчжа, сверкнув восхищенными глазами.

– Отец разрешил прогулку. А как с ослом?

– Господин, сегодня солнце наверно восходит на западе, хэ-хэ-хэ.

– Ну, давай скорее...

Панчжа подводит Мон Рёна к ослу в роскошной упряжи. Красный ремень и фиолетовые вожжи, украшенное яшмой седло и золотые удила, узда из синих и пурпурных ниток с крупной кистью, украшенные серебром стремена, подстилка из тигровой шкуры и медные колокольчики по обеим сторонам.

– Господин, пожалуйста, садитесь скорее.

Мон Рён вдел ногу в стремя и легко вскочил в седло. Зазвенели колокольчики. Осел, словно прекрасный молодой конь, топал переднею лапой и фыркал.

Панчжа повел осла по широкой улице в сторону Южных ворот. Прохожие восхищенно глядели на Мон Рёна, важно сидевшего в седле, заслонясь от солнечных лучей позолоченным красным веером.

В тени деревьев и на берегу речки шептались, посмеиваясь, девушки, закрыв лица чадрою. Они поговаривают о том, как, мол, хорош сын наместника,

а еще лучше он на коне и что его слуга Ла Ён Свэ, чудак, выглядит и ведет себя смешновато...

Хян Дан, находясь под цветущим деревом у беседки Кванхан, глянув на Мон Рёна и Панчжу, невольно покраснела. Девушка часто ходила в поселок за казенной школой, чтобы достать там шелковую прядь для тканья. Ее всегда радушно встречала старуха дома около тутовой плантации, бабушка Ла Ён Свэ. Там она часто видела его, и при каждой встрече он весело шутил с нею. И девушка покраснела, предчувствуя, что парень обязательно скажет что-нибудь в шутку.

– Госпожа, вон идет Панчжа с сыном наместника на осле.

– Одет он с бьющей в глаза роскошью.

– Видимо, на красавце и одежда блестит красиво.

– В хорошей одежде и некрасивый выглядит красиво.

– Нет-нет. Говорят, этот господин настоящий красавец. К тому же он обладает необыкновенным литературным талантом.

– Откуда ты узнала об этом?

– Слышала от Панчжи.

Чхун Хян бросает взгляд туда, откуда доносится звон колокольчиков. Она испугалась чего-то и вместе с Хян Дан поспешно собирается уйти отсюда через мост Очжак. А Мон Рён вот уже совсем близко и, сойдя с осла, медленно зашагал по мосту, любуясь хрустальной речкой.

– Этот мост называется Очжак, а речка – Ынха. Когда-то здесь развлекались небесные феи, – сказал не без гордости Панчжа.

– Мост Очжак через речку Ынха. Хорошее название, – ответил Мон Рён с волнением.

– Хорошо не только это имя. А какой хороший здесь и сам пейзаж.

Мон Рён улыбнулся и направился в сторону беседки Кванхан. Он увидел Чхун Хян, смущенно мечущуюся под цветущим деревом. Его очаровали ее чистые и нежные глаза.

Чхун Хян закрыла лицо чадрой и торопливо прошла мимо Мон Рёна, словно проплыл ароматный ветерок.

«Вправду ли существует на свете такая красавица! Не это ли фея, спустившаяся на мост Очжак с высокого неба?!» – подумал Мон Рён, глядя на удаляющуюся девушку. Панчжа звал Хян Дан, намереваясь пошутить с нею, но девушки уже скрылись в лесу.

– Слушай, Панчжа, кто она такая?

– Это Хян Дан. Я ее хорошо знаю.

– Нет, я спрашиваю о той девушке, что ушла впереди.

– Ага. Это же Чхун Хян, дочка Воль Мэ, бывшей знаменитой кисэн нашего городка.

– Чхун Хян? «Весенний аромат». Красивое имя.

Ли Мон Рён не спеша поднимается в беседку Кванхан, мурлыкая зарождающиеся стихи.

Чудесная у беседки Кванхан весна,
Манила меня на прогулку она.
А зачем же Чхун Хян исчезла
Через мост Очжак без следа?

Глазам его открылась прекрасная панорама. В верхнем ярусе висели доски, на которых начертаны стихотворения известных поэтов.

Мон Рён читает стихи Кан Хи Мэна.

Стою я в беседке Кванхан,
Чем славится уезд Намвон.
Словно висит она в воздухе,
А ветер прохладен тут даже в июне.

И читает еще стихи Ли Сок Хена.

Под ногами хрустальные воды,
Над головой ослепительный луч.
Это ли не райский уголок,
Чего искал я во сне.

Так поэты сравнивали это местечко с небесным раем.

Мон Рён, прохаживаясь взад-вперед, любуется окружающею природой.

Запоздалый утренний туман окутал подошву горы. В синеве над рекой цветут пушистые сережки ивы.

А вдали качаются на легком ветру громадные лапы вековых сосен, на фоне густой зелени ниспадает шелковым потоком живой водопад. Там какая-то женщина то срывает цветы и втыкает их в волосы, то, закатав рукава, окунает руки в кристальную воду, берет гальку и кидает ее в лес, где поют соловьи, то срывает листья с ивы и кидает их в речку, то смеется, глядя на белых бабочек, порхающих над травой.

«Кто она такая? Это уж не Чхун Хян ли, с кем

только что встретился на мосту Очжак?» – думал он и все пристальней всматривался в ту сторону, но она уже исчезла в лесу.

– Ну, как по-вашему? Не случайно, что беседка Кванхан считается первой достопримечательностью хонамского района? – спросил Панчжа.

– Да, хороши и беседка Кванхан, и мост Очжак. И раз уж я оказался в таком великолепном месте, то и тоже обязан написать о них свою строку.

Прекрасна беседка Кванхан весною.
Я – Волопас на мосту Очжак,
А кто будет милой Ткачихою?

Тем временем слуга приготовил стол, уставленный бутылками с водкой и закусками.

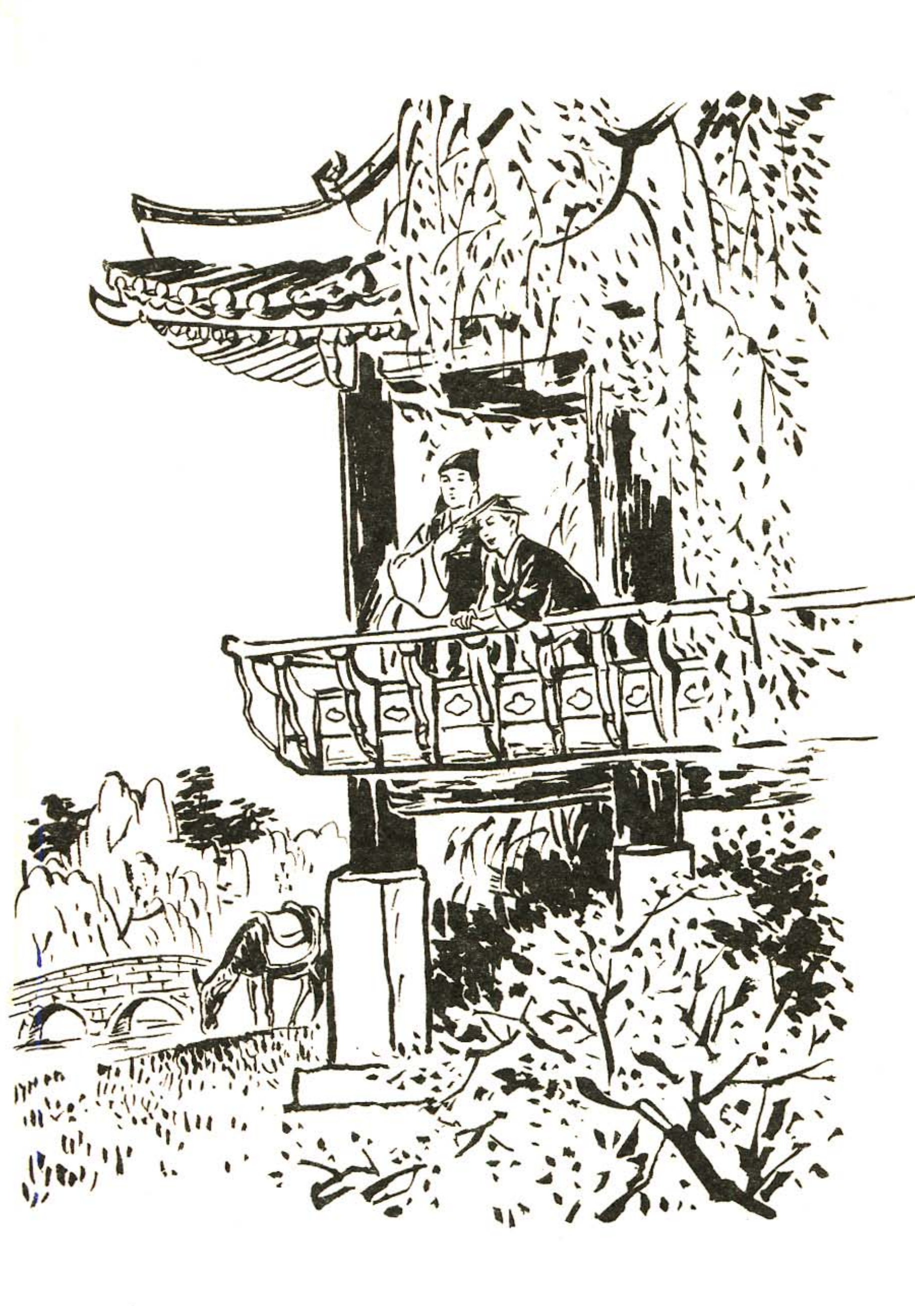
– Господин, стол накрыт.

– Ладно. В такой весенний праздник без вина не обойтись.

Мон Рён выпил два-три стакана, предложенные ему Панчжою, потом встал, пригласив и слугу сесть за стол. И снова ходил по беседке, мурлыча себе под нос:

«Не знаю, каковы беседка Чхоксок в Чинчжу и беседка Реннам в Миряне, и пойдут ли они в сравнение с здешней, покрытой изящной росписью. В ивовой роще поют золотые соловьи, а желтые пчелы и белые бабочки прилетают во множестве на благоухающий цветник. Перед глазами – гора Поннэ и река Ынха небесного царства. А куда же девалась небожительница?»

А в это время Чхун Хян с Хян Дан направляются



на утопающую в зелени площадку с качелями. На покрытой золотым дерном поляне веселились девушки. Чхун Хян сняла с себя зеленую накидку и кожаные туфли фиолетового цвета, ухватилась своими красивыми руками за конопляные веревки качелей, свисающие с высокой ветви, легко поднялась на подушку, и качели подхватили ее. В воздух взлетает стройная девушка с тонкой талией. В конце темной косы взвивается шелковая лента с золотыми узорами и колышется на ветру лиловая тесемка, позванивают янтарные и яшмовые безделушки.

– Качай, Хян Дан, сильнее!

Чхун Хян взлетает все выше и выше в воздух, и подол красной юбки ее плещется на фоне белого облака. Она сейчас была похожа на юркую ласточку, летающую в небе, или на крупную бабочку, порхающую над цветами. А вернее всего, она напоминала фею, спускающуюся на Пхальдам (Восемь озёрок) в горах Кымган. Девушки то касаются на лету губами листьев ивы, то ловко срывают рукой ветку цветущего дерева.

Мон Рён, плененный этой чарующею картиной, позвал слугу.

– Панчжа, иди-ка сюда.

– Да, я здесь.

Панчжа, выпивавший вино с другим слугою в углу беседки, подошел к нему.

– Что это там мелькает среди деревьев?

– Вы о чем? Мои глаза там ничего не видят.

– Смотри туда, куда я указываю веером.

– Показывайте чем угодно, все равно я там ничего не вижу.

– Вон там. Видишь? Мелькает что-то красное.

– Вы имеете в виду вот эту фигуру на качелях?

– Да. Что это – человек или злой дух?

– Какой там злой дух средь бела дня-то! Это же Чхун Хян, кого вы видели на мосту Очжак.

– Она настоящая красавица.

– Видимо, девушка вам понравилась, хэ-хэ-хэ... Эта Чхун Хян дочь кисэн, но она умная и добрая, отказалась стать кисэн и занимается домашним хозяйством, к тому же постигла многие науки.

– Значит, она не только хороша собой, но и чиста душою. Иди скорее и пригласи ее сюда.

– Многие высокие чиновники и знатные янбаны Намвона были очарованы красотою Чхун Хян и пытались покорить ее. Но все они не добились своего. Она обладает необыкновенным талантом и стойким характером и строго соблюдает все правила приличия для женщин. Так что трудно привести ее сюда.

Мон Рён усмехнулся и сказал:

– Ты не знаешь законов природы. У всякой вещи, пусть это яшма в глубоких горах или сокровище на дне моря, есть свой хозяин. Прочь лишнюю болтовню. Иди и передай ей, что Волопас в беседке Кванхан ждет Ткачиху.

Панчже осталось только выполнить приказ господина. Он, надев войлочный колпак набекрень и размахивая ивовой веткой, бежит в лес, бормоча что-то.

Между тем на качелях Чхун Хян, взлетая в воздух, касается ногами бубенца, висевшего на высокой ветви ивы, и по лесу несется приятный звон. А Хян Дан хлопает в ладоши и восклицает в ответ:

«Прекрасно, госпожа!»

Качели, взлетевшие высоко в небо, постепенно и плавно снижаются. Чхун Хян, зажмурив глаза, задыхается и кличет служанку.

– Ой, Хян Дан, у меня кружится голова, совсем меня укачало. Держи веревки качелей.

Хян Дан бегала взад и вперед, прыгала, хватаясь за веревки, и весело смеялась.

– Хо-хо-хо! – хохотала и Чхун Хян, нисколько не стесняясь, потому что рядом не было мужчин.

Спустя немного Чхун Хян спустилась с подушки на золотой дерн, конечно тоже не без помощи Хян Дан.

В этот миг тут и появился Панчжа и закричал:

– Эй, Чхун Хян, слушай меня!

Обе девушки испугались и обернулись в его сторону.

– Зачем ты так кричишь? Не пугай же человека, – сердито буркнула Хян Дан.

– Случилась большая беда.

– Какая еще беда? Чего ты мелешь?

– Наш господин, сын наместника, видел из беседки Кванхан, как качается Чхун Хяи на качелях, и велел мне привести ее к себе.

– Вздор ты мелешь. Вряд ли господин узнал меня. Но даже если он и узнал, все равно сын наместника недостоин так приглашать к себе девушку из семьи простолюдина. Ты, Панчжа, наверное, рассказал ему обо мне.

– Нет, не сказал я ничего о тебе. Сама ты виновата.

– Виновата я, говоришь?

– Да. И вот в чем твоя вина. Коль скромная девушка захочет покачаться на качелях, она сама смастерит их себе в своем саду и будет качаться так, чтобы никто ее не видел. А ты решила покачаться на качелях возле моста Очжак, желая, видимо, чтобы видели люди, как ярко-красные твои одежды мелькают среди молодой листвы, а ножки в белых, как огуречное .семя, чулках касаются зеленых веток. Разве это прилично? И это рядом с беседкой Кванхан, где отдыхает мой юный господин. Вот он, увидев мелькание твоей юбки, и велел мне позвать тебя. А я тут ни при чем. Ну, так не упирайся же, пойдем скорее!

Ошеломленная этой неожиданностью, Чхун Хян не хотела и отвечать ему на это, но передумала и сказала:

– Ведь сегодня весенний праздник тано. Не я одна, а и многие другие девушки тоже качались здесь на качелях. Хотя ваш господин и приглашает меня, но я не кисэн и не могу к нему пойти. Ты, видимо, неправильно понял его слова.

– Чего ты так тараторишь! Раз зовет господин, то надо явиться немедленно. Ты пока еще не знаешь, какая у нашего янбана власть. Дед господина и его дядя по материнской линии были вельможами, а отец его – начальник уезда. Если ты не повинуешься велению господина, завтра утром твоя мать будет вызвана в управу и наказана батогами. Если тебе не жалко ее, делай, как хочешь.

Панчжа предъявил этот ультиматум и отвернулся.

В разговор вмешалась Хян Дан.

– Слушай меня. Что ты ни говори, все равно наша

госпожа не пойдет. Я не знала, что ты вот такой человек. Прошу тебя уговорить своего господина, чтобы он не обижался на нас.

Она проговорила это, бросая на Панчжу лукавый взгляд.

Тот вмиг изменился в лице и вспомнил слова господина.

– Ах, я забыл об одном. Господин сказал, что он приглашает Чхун Хян, узнав, что она хорошо сочиняет стихи. Он попросил передать ей, что «в беседке Кванхан Волопас ждет Ткачиху».

Чхун Хян понимающе улыбнулась и ответила:

– Панчжа, передай ему мои слова:

Здесь не берег реки Ынха,
И сегодня не июльский праздник чхильсок.
Так свидание Волопаса с Ткачихой
Было бы лишь цветистым сном весной.

Панчжа, услышав такое, растерялся и вернулся в беседку, боясь взгляда Хян Дан и не смея больше настаивать на своем.

– Я велел тебе пригласить, а не отогнать Чхун Хян, – упрекнул его Мон Рён, ждавший его с таким нетерпением.

Господин, как я мог отогнать ее!

– Но смотри вон туда...

Чхун Хян с Хян Дан уже вышли из леса, где они качались на качелях, и удаляются через мост Очжак. Мон Рён почувствовал, что у него разрывается сердце и затуманились глаза.

– А ты точно передал ей мои слова?

– Да. Только ругала она меня изрядно.

– И как же она тебя ругала?

– Она сказала: «Ты сошел с ума. Вряди ли сын наместника без соблюдения приличия и стеснения пригласит к себе девушку из дома простолюдина. Ты, Панчжа, наверняка строишь козни». И просила передать вам свои слова.

– Какие слова?

Панчжа передал ему слова Чхун Хян о Волопасе и Ткачихе:

– ...«Сегодня не июльский праздник чхильсок, так свидание Волопаса с Ткачихой было бы лишь цветистым сном весною».

Мон Рён несколько раз повторил слова Чхун Хян и проговорил:

– Это настоящие стихи. Раньше в городе Сондо жила знаменитая поэтесса – красавица Хван Чжин И, что поражала людей своими стихотворениями. А в Намвоне живет Чхун Хян, которая очаровывает меня своим сочинением и красотою. Поистине она гордость этого края. Глубкоий смысл таят в себе слова «Сегодня не июльский праздник чхильсок и...»

– Хэ-хэ-хэ... Какой именно смысл вы находите в этом?

– Это значит, что может быть свидание в июльский праздник чхильсок.

Панчжу это объяснение Мон Рёна обрадовало.

– Слушай, Панчжа.

– Слушаю вас.

– А где дом этой Чхун Хян?

– Вон там у подножия невысокой живописной горы. Перед их домом лотосовый пруд, где кишмя

кишит рыба. Вокруг дома цветут всевозможные цветы и растут редкостные деревья, щебечут в свои сезоны разные птицы в сосновой и бамбуковой рощах.

Мон Рён долго с восхищением глядел вдаль на дом Чхун Хян и сказал:

– Дом находится у подножия красивой горы, покрытой густыми и чистыми бамбуковыми зарослями. Не случайно у этой девушки такая чистая душа и такой прекрасный этикет...

Ли Мон Рён возвратился домой в свой кабинет, но перед его глазами все еще продолжал мелькать образ Чхун Хян. В его комнате стоят лакированный письменный стол с перламутровой инкрустацией, книжный шкаф и бюро. На столе яшмовая коробка с большими и малыми кистями и шкатулка, в которой находятся тушечница, пузырек с водой и другое. Но сейчас ничто из них не привлекает его внимания.

На стене висят картины знаменитых художников Ан Гена и Ли Сан Чва и свиток с надписью выдающегося каллиграфа Хан Сок Бона. Но Мон Рён не видел и не замечал всего этого. Он видел перед собой только одну Чхун Хян, стоящую под цветущим деревом. Он думает посетить ее дом после захода солнца. Но будет большая беда, если отец узнает об этом. Он глубоко вздохнул и взял из шкафа книгу, но и в ней вместо букв он видел только лицо Чхун Хян.

Он позвал Панчжу и спросил:

– Далеко ли еще до захода солнца?

– Кажется, оно еще только-только взошло с востока.

– Глупец! Разве солнце не заходит, а восходит

вечером? Узнай точно.

– Нечего и узнавать. Солнце уже клонится к закату и уже подкрадываются сумерки. Скоро появится луна. Вас ждет ужин...

Мальчик-слуга накрыл стол. Подано обильное кушанье: паровой хлебец с медом, рисовые лепешки, тушеная говяжья грудинка, жареная рыба, синсолло, салат, кимчхи и другое. Но Мон Рён не отведал с аппетитом ни одного из этих блюд и встал из-за стола.

Некоторое время он лежал в постели, потом стал перелистывать то одну, то другую книгу, ничего в них не понимая. Он читал все громче, думая только о Чхун Хян, и, наконец, стал произносить ее имя вместо того, что было написано в книгах.

– Господин, неужто в этой книге написано о Чхян Хян? – лукаво спросил Панчжа, сидя на деревянном полу у кабинета и прислушиваясь к тому, что произносил Мон Рён.

– Не мешай ты мне читать.

– А мне кажется, что вы на самом-то деле книгу и не читаете, хэ-хэ...

Мон Рён бросил ту книгу, взял напоследок хрестоматию «Тысяча иероглифов» и начал зубрить: «Небо и земля...»

– Не к лицу вам, уважаемый господин, читать эту азбучную «Тысячу иероглифов», – сказал Панчжа, удивляясь этому занятию своего господина.

– Нет. «Тысяча иероглифов» – основа основ в учении. Каждый знак в этой книге имеет воистину глубокое значение.

– Я тоже, хотя и немножко, но «Тысячу

иероглифов» читал.

– Неужели читал?

– Да.

– Тогда попробуй прочесть на память, что вызубрил.

– Хорошо. Вот, пожалуйста, слушайте. «Высокое небо и широкая земля, яркое солнце и полная луна...»

– Ты, наверно, выучил эту песенку у бродячего певца. И не знаешь, какой глубокий смысл имеют эти иероглифы. «Голубое навеки безбрежное небо существует со времен сотворения Вселенной. Вольная и плодородная земля дарует жизнь всему сущему на свете...»

– Слишком мудрено и неинтересно ваше толкование.

– Слушай дальше. «Сияющее высоко в небесах солнце согревает весь мир. Светлая луна освещает путь человечеству в ночной тьме. Ярче и краше этих звезд глаза Чхун Хян, что хочется видеть хоть во сне...»

Мон Рён увлеченно читал все громче, а Панчжа бормотал:

– Господин, пожалуйста, тише. А что, и в книге «Тысяча иероглифов» опять-таки говорится о Чхун Хян?

В это время прибежал посыльный со стороны комнаты главы семьи и сообщил:

– Господин, наместник, заснувший на деревянной кровати, проснулся от такого громкого чтения и приказал узнать, кто это так кричит. Как ему доложить?

– Говорят, в других семьях старики глохнут, а у

нашего отца еще слишком острый слух... Просто беда. Передай ему, что я читал книгу по истории нашей страны и повысил голос от волнения в момент, где полководец Ыльчжи Мун Док разбивает суйские полчища в триста тысяч штыков на реке Сальсу...

Слуга так и доложил наместнику. Тот обрадовался усердию сына в учебе и велел ему пригласить чиновника по фамилии Мок, помогающего ему в работе. Мок появился немедля. Это был подлый и льстивый человек с отвратительной внешностью.

– Здравствуйте, уважаемый начальник. Вам, наверно, на днях было скучно.

– Садись. Позвал я вас не от скуки, а по серьезному делу. Мы, как старые интеллигенты, хорошо знаем, как тяжело заниматься учебой в детские годы. А мой сынок любит читать книги и прочел уже всю литературу, что есть у меня. Какая это большая радость.

Мок кивал головой и, не успев еще дослушать начальника, ответил:

– Да, вообще-то детям книги читать не охота. Им хочется только устраивать забавы и веселиться.

– А у моего сына не так. Он читает и пишет буквально без сна и отдыха.

– Очень похвально.

– Он уже кистью овладел в совершенстве.

– Он, по-видимому, обладает необыкновенным талантом и станет наверняка знаменитым каллиграфом.

– Это с ним случилось в Сеуле еще давно, когда ему было всего девять лет. Тогда во дворе нашего дома стояла старая слива. Я предложил ему сочинить о ней стихи. И он вмиг написал замечательное стихо-

творение, словно настоящий поэт. Он никогда не забывает того, что прочел хотя бы только раз однажды. Надеюсь, что он будет сановником.

– Он достоин должности председателя Государственного совета.

– Трудно надеяться на такой высокий чин. Но он вполне успеет выдержать экзамен на государственную должность еще до моей смерти. Тогда не будет ему проблемой стать начальником уезда.

– Нет. Ваш сын непременно будет сановником. Иначе он откажется от любого другого чина.

– Зачем он откажется, почему?

– Вообще выдающаяся личность не хочет занимать недостойную его должность...

– Нет, так поступать не годится... Ну, ладно, иди к себе...

Мок быстро встал и вернулся в свой кабинет...

Между тем Мон Рён с нетерпением ждал часа, когда отец прикажет слугам уйти к себе домой. С наступлением ночи он не находил себе места.

– Панчжа, иди-ка туда. И узнай, как там дело.

– Пока в окнах комнаты старого господина свет горит ярко, как днем.

– Неужели у тебя так спокойно на душе?

– Вы, господин, в самом деле хотите посетить дом Чхун Хян?

– И никто, кроме тебя, не сможет мне в этом помочь...

Как раз в это время и донесся протяжный крик:

– Приказано слугам уйти!..

Гасли один за другим яркие фонари в канцелярии и патрули начали свои обходы вокруг ограды.

Мон Рён начал собираться в дорогу и торопил слугу:

– Панчжа, готовь фонарь.

Панчжа быстро зажег свечу в зеленом фонаре и, крепко держа его шест в руке, вышел из дома. Он осторожно, без шума зашагал впереди.

– Панчжа, свет фонаря освещает комнату отца, заслоняй его, – шепотом приказал Мон Рён.

Панчжа поспешно взял фонарь под мышку и, обойдя ограду, бесшумно выскользнул из внутренних ворот.

Уже поздний вечер. Они шли по лесу тропинкой, озаренной мягким лунным светом. Вокруг ни души, и царит мертвая тишина. Наконец они добрались до дома Чхун Хян. Как и сказал Панчжа днем в беседке Кванхан, чистый дом с соломенной крышей окружен сосновой и бамбуковой рощами. Свет месяца льется по зеркальной глади пруда, где прыгают золотые рыбки, словно приветствуя желанного гостя.

Панчжа осторожно потянул на себя ворота, но они наглухо заперты изнутри. Залаяла собака.

– Эй, Панчжа!

– Слушаю вас.

– Как же нам быть?

– Надо перелезть через забор.

– Так нельзя.

– Господин, подождите здесь минуточку...

Панчжа обошел забор и скрылся.

А в это время Воль Мэ, мать Чхун Хян, заснувшая в своей комнате, проснулась, – ее разбудил собачий лай. Она открыла раздвижные двери, но во дворе ничего не было видно.

– Эй, проклятый пес, довольно зря заливаться. Недаром говорят, что собака лает на луну, – ворчала она про себя и пошла к флигелю в заднем дворе.

Там Чхун Хян, игравшая на каягыме в присутствии Хян Дан, оставила инструмент и занялась сочинением.

Воль Мэ села на деревянный пол и сказала:

– Что ты опять пишешь так допоздна? Вчера наткала немало холста, а сегодня после гулянья на улице приготовила для меня разные блюда на праздник. Устала, небось. Ложись и спи.

– Я просто хотела научиться кулинарии.

– Верно. Женщина должна быть мастером на все руки. Как хорошо было бы, если бы ты родилась мальчиком.

– Мама, ты опять об этом...

– Говорю это, потому что мне приснился чудный сон.

– Какой еще сон?

– Взяла я книжку, прилегла, читаю и незаметно задремала. И чудится мне: над твоей подушкой заиграла радуга и невесть откуда спускается дракон. Он хватает тебя своей страшной пастью и поднимается в небо. А я схватила его за хвост и борюсь с ним... А тут собака залаяла, и я проснулась... Была бы ты сыном, этот сон был бы верным признаком того, что ты получишь высокий государственный чин.

– Не могу я получить чин, не будучи мужчиной. Но буду всегда почтительной к тебе. Не беспокойся, мама.

– Я не беспокоюсь... Я желаю только, чтобы тебе улыбнулось счастье. Впрочем, говорят, что сегодня в

беседке Кванхан сын наместника пригласил тебя к себе. А как его зовут?

– Имя его Мон Рён. То есть «Пригрезившийся дракон», – ответила Хян Дан вместо Чхун Хян.

– Что?!. Мон Рён, говоришь?.. В этот момент у клумбы под забором мелькнула какая-то фигура.

– Кто там? Это наверняка дьявол или вор, раз в такую пору забрался в чужой дом без спроса. Хян Дан, сбегай-ка на кухню за ножом.

Панчжа вышел из-за дерева и процедил:

– Псс!..

– Кто это там заладил свое «псс»? Ах, это ты, Панчжа!.. А кто это еще там мечется?

– Старуха, советую тебе вести себя поосторожней. Это приехал сын правителя, мой господин.

– Как, это правда? Если это правда, надо было тебе сказать об этом сразу... Эх, какая же я дура... Хян Дан, зажги во флигеле свечу посветлей и расстели ковер, – засуетилась Воль Мэ, готовясь достойно встретить господина.

А Мон Рён, смущенный до крайности, не смеет выйти из-за дерева. Панчжа пошел за ним и привел его.

– Добро пожаловать вам, господин!

– Добрый вечер.

– Не разглядела вас эта старуха и наболтала лишнего. Вы уж не обижайтесь на меня.

– Не беспокойтесь. В такой момент наговорить и больше не грешно.

– Жаль, заранее не знала, что вы так добры и великодушны, наговорила бы и больше.

И оба смеются – и Воль Мэ, и Мон Рён.

И мать молоденькой Чхун Хян приглашает господина во флигель. Ему такой открытый характер старухи понравился.

«Не случайно люди так хвалят эту старуху. Говорят, что дети во многом походят на своих родителей. По-видимому, это полностью относится и к Чхун Хян», – подумал Мон Рён.

Шагая медленно, он все оглядывался кругом в заднем дворе. Ему казалось: будто он попал в какой-то другой мир. Длинные ветви плакучей ивы свисают под стрехой и заслоняют яркий луч свечи, просачивающийся из флигеля, напоминая собою бисерный шатер. В углу справа стоит павлония, на листьях которой блестит хрустальная роса, а слева качает свои пышные лапы на легком ветру причудливая сосна. Под окнами распустили свои побеги орхидея и другие цветы, а в лотосовом пруду с каменистой горкою посредине плавают золотые рыбки. Раскрывают крылья и удаляются своей ленивой походкою напуганные человеческими шагами журавли, а пара уток приплывает к берегу, словно ждала гостей.

Когда Мон Рён остановился перед флигелем, Чхун Хян, по велению матери, вышла во двор, переодевшись и приоткрыв раздвижные двери. Неописуемо красива и очаровательна эта девушка, напоминающая собою яркую луну, вышедшую из-за облака.

Чхун Хян, склонив голову, поздоровалась:

– Здравствуйте, господин.

Смущенный Мон Рён не знал, как на это ответить, и замешкался. Потом проговорил:

– Извините, что мешаю вам спать поздним весенним вечером.

И очень пристально вглядывался в эту прелестную и грациозную девушку.

Чхун Хян с чистым овальным лицом была похожа на лебедь под лунным светом. Белые зубы, чуть заметные сквозь тонкие и красные губки, напоминали собою яшму, а пурпурная юбка с яркими узорами смахивала на пелену тумана, освещенную вечерней зарею.

Мать Чхун Хян вошла в комнату первая и, усадив Мон Рёна на подушку, сама села у двери, и дочка тоже осторожно села рядом с нею.

Мон Рён снова всматривается в сидящую напротив девушку. Она почти не красилась, но была неописуемо красива. Ее можно было сравнить с ласточкой, что умылась в синем море и сидит на берегу, в испуге прячась от глаз людей, или с расцветшим лотосом на зеркальной глади пруда.

«Это ли не фея, спустившаяся с неба в Намвон в поисках земного рая?» – подумал Мон Рён, очарованный ее красотою.

Чхун Хян чуть приподняла голову и глянула на Мон Рёна украдкой. Умные сверкающие глаза, высокий лоб и благородное лицо его свидетельствовали, что перед нею необыкновенный юноша, у которого блестящая будущность. Она снова опустила голову и сидела молча.

Воль Мэ предложила Мон Рёну чай и табак, но он сказал, что еще не курит, и отпил только чаю.

Когда он решил навестить дом Чхун Хян, ему казалось, что сможет разговаривать с нею без конца.

Но, сидя у нее в комнате, он словно лишился дара речи и лишь покашлял, чувствуя себя неловко. Он, конечно же, пришел к девушке не для того, чтобы осматривать ее дом, но от крайнего смущения безмолвно смотрел только на обстановку комнаты, выпивая по глоточку чаю.

В опрятной комнате аккуратно расставлены шкафы и шкатулки с изящными украшениями, изображающими дракона и других фантастических животных, и бюро, на котором стояли книжный стеллаж, коробка с кистями, тушечница и все другое. На стенах висят хорошие картины. Мотив одной из них – легенда «Феи горы Кымган». Восемь фей небесного царства спускаются купаться на Восемь озёрок горы Кымган, а младшая из них потеряла платье-крылья и не смогла вернуться к себе. Она встретилась с молодым дровосеком Кымганского села, стала его женой и жила счастливой жизнью, выращивая детей.

Тема другой картины – предание «Волопас и Ткачиха». Полюбили друг друга Волопас и Ткачиха вопреки воле небесного царя и он разлучил их, сделав границею реку Ынха (Млечный путь). Им разрешено видеться только один раз в году, 7 июля по лунному календарю, на мосту Очжак, перекинутом через Ынха.

Все полотна имеют глубокий смысл и как бы передают чистую душу хозяйки флигеля. Во всем тут ощущалась сердечная забота матери, бывшей знаменитой кисэн, которая старается вырастить дочь достойным человеком.

Над письменным столом висят сочиненные самою

Чхун Хян стихи:

Не рухнет древняя могучая скала
Ни от снега, ни от метели.
Не увянет вечнозеленая сосна
Ни от мороза и ни от бури.

– Эти строки глубокомысленны, да и написаны они замечательным слогом, – сказал Мон Рён с восхищением.

– Дочь моя сама сочинила их, – радостно ответила Воль Мэ.

– У вас действительно славная дочь, ха-ха...

Чхун Хян покраснела до ушей и еще ниже опустила голову.

– Доченька, готовь скорее стол с вином для дорогого гостя, – сказала старуха.

Чхун Хян тихо встала и ушла на кухню.

– Господин, не ожидала я, что вы придете в мой убогий дом, недостойный вашего внимания. Я очень вам благодарна.

– Не за что. Не стоит благодарности. Я днем случайно встретился с Чхун Хян у беседки Кванхан и не могу забыть о ней. И вот я, несмотря на такой поздний вечер, пришел к вам с мечтою и просьбой. И если вы готовы выслушать меня, то я и начну.

– Чего же вы хотите? Коль в наших силах помочь вам, мы с радостью готовы сделать это... Говорите, пожалуйста, не стесняйтесь.

– По правде говоря... Я пришел связать свою жизнь с Чхун Хян на долгие годы... Хочу услышать ваше слово на это.

Ошеломленная этой неожиданностью мать не смогла ответить ему сразу. И, помолчав, проговорила:

– Спасибо вам, но, право, и не знаю, как на это ответить вам. Моя Чхун Хян – дочь бывшего правителя Намвона господина Сона из Сеула. Вскоре после ее рождения он был назначен заместителем начальника приказа и уехал в столицу. Он обещал ребенка взять к себе, как только он будет отнят от груди. Но, к несчастью, отец Чхун Хян скончался вскоре и ребенок остался у меня. Так я и вырастила ее одна, испытывая немало лишений и горя, но старалась воспитать ее достойной. В семь лет она прошла начальное образование, научилась гостеприимству, познала семейные устои, привыкла к рукоделью. Кто мог сказать, что эта умная и порядочная девушка – моя дочь? Теперь пора выдать ее замуж, но трудно найти ей достойного жениха. Сын дворянина не возьмет дочь кисэн, а отдать ее простому человеку жалко. Я так за нее беспокоюсь. И вот сейчас услышала от вас, господин, искреннее признание. Мне и неловко это, и приятно... Но все это напрасно...

У Мон Рёна, который слушал старуху молча, екнуло сердце.

– Почему вы так говорите? Ведь Чхун Хян является девушкой, а я еще не женился. Я готов поклясться прожить вместе с нею всю жизнь. Верьте мне. Сын янбана не может отречься от своего обещания, – сказал он от души.

Но мать Чхун Хян от своего не отступала.

– Вы, господин, еще не знаете, что на свете имеется разница между высшими и низшими людьми

и что бракосочетание ведется тоже только по сословиям. Что вы будете делать, когда ваши родители узнают, что вы, вопреки дворянскому этикету, связываете свою жизнь с дочерью кисэн?

– Ну, это уж мое дело, и решать это буду я сам. Вам об этом беспокоиться не стоит. Дайте только ваше согласие.

– Вы, господин, еще так молоды, и как весенний мотылек стремится к первому цветку, так вы стремитесь к дочери моей. Но потом вы ее покинете, не выдержав гневной людской молвы и протеста родителей. Тогда Чхун Хян состарится в одиночестве, да и у вас не будет спокойно на душе. Лучше уж об этом не говорить. Будьте просто желанным гостем в нашем доме.

Между тем Чхун Хян принесла столик с вином и закусками. И Мон Рёну показалось, что девушка, надевшая передник, стала еще более красивой.

Воль Мэ, умеющая обращаться с дорогим гостем как подобает, непринужденно завязала с ним Интересный разговор, угощая его вином и закусками. Но сам Мон Рён не находил себе места, не получив ее согласия на свое предложение.

– Старуха, неужели вы не верите моим словам? Прошу продумать все всерьез и дать мне положительный ответ, – снова просит он, выпив рюмочку.

Но она никак не хотела согласиться на это.

– Господин, вы хотите, чтобы я сразу дала согласие на то, что только раз бывает в жизни человека. Так я поступить не могу. А сейчас давайте полюбуемся ее игрою на каягыме...

Так в тот вечер Ли Мон Рён и вернулся домой, не

добившись своего и послушав лишь мелодию каягыма, исполненную Чхун Хян. Она была поистине виртуозной каягымисткой.

Как она играла! Положив инструмент на колено, она настроила струны красивыми руками и начала исполнять пиццикато. Звучала чудесная и таинственная музыка, напоминающая собою то шелест лепестков роз от легкого дуновения, то шум бушующих волн, бьющихся о скалы, то журчание хрустального ручья, бегущего по каменистым ущельям. Она наполнила сердце Мон Рёна глубоким волнением, еще более усиливая его любовь к умной и прелестной девушке...

Вернувшись домой в свой кабинет, он ни на минуту не мог забыть о Чхун Хян и все думал и думал о словах ее матери.

«Почему сословные различия не разрешают жениться на любимой девушке и причиняют людям такие мучения?..»

Поглощенный одной мыслью о Чхун Хян, он написал стихи и велел Панчже передать их девушке.

Не могу я этой ночью заснуть,
«Весенним ароматом» опьяненный.
Это ли не вина твоя,
Что не дает мне покоя?

Панчжа вернулся с ответом Чхун Хян, тоже в стихах:

Винить напрасно только меня
В душевной муке сегодня.

Провожу эту ночь без сна и я,
На каягыме мечту свою излагая...

Прочитав эти строки, он еще сильнее затосковал по девушке и больше никак не мог усидеть в кабинете. Он решил вновь встретиться с Воль Мэ.

Спустя несколько дней он опять вместе с Панчжою посетил дом Чхун Хян, и тоже поздним вечером. Мать Чхун Хян радушно встретила его и пригласила во флигель, поторопив Хян Дан поскорее приготовить стол с вином.

Мон Рён, как и в прошлый раз, сел на подушку с цветными узорами, а Чхун Хян, одетая в светло-розовую кофту с изящным кантом и темно-синюю юбку, поклонилась ему, пошла на кухню и принесла чашки с чаем на черепаховом подносе.

– Не ожидала, что вы, господин, вторично пожалуете к нам, – сказала Воль Мэ, предлагая ему чаю.

– Я пришел повидаться с вами.

– Ни к чему свидание с такой старухой. Видимо, вы пришли повидать Чхун Хян.

– Хочу сегодня непременно получить ваше согласие. Ну, давайте ваш ответ.

Воль Мэ было это и приятно, и грустно. Она глубоко вздохнула и сказала:

– Понимаю ваше страстное желание, но прошу это передумать. Издревле говорят, что душу сына знает лучше всех отец, а мечту дочери – мать. Хорошо знаю я душу моей дочери. С детства она старалась освоить правила приличия и будет верной до конца своему мужу после замужества. Не изменится ее

верность ни при каких невзгодах. Ни золота, ни роскоши она не хочет, а желает лишь следовать неписаному закону нравственности... Вы, молодой господин, в пылу своей страсти можете влюбиться в мою дочь и связать с нею свою жизнь без позволения родителей. Но какою горькою и печальной будет судьба Чхун Хян, когда вы оставите ее из-за пересудов людей! Прошу вас обдумать такое положение.

– Об этом беспокоиться не надо. Не изменю я своего твердого решения никогда. Хотя у меня и Чхун Хян и разные сословия, но я буду любить ее всю жизнь, считая законной женою. Пускай мы и не сможем выполнить шесть свадебных обрядов, но я останусь верным в своей клятве до последних дней. Дайте только ваше согласие.

Мать Чхун Хян, глубоко тронутая такими сердечными словами Мон Рёна, растерянно моргала своими повлажневшими глазами и проговорила про себя: «Какой странный сон приснился мне... Видимо, он это и предвещал...»

Она позвала дочь, которая готовила на кухне столик с вином, надев передник и закатав рукава. На лбу у нее даже выступил пот. Приготовлено было немало разных блюд. Девушка, быстро сняв передник, пошла во флигель и присела рядышком с матерью.

– Доченька, сегодня господин опять вот к нам пожаловал и делает тебе предложение. Хочу услышать на это твое слово, – нежно и трогательно проговорила Воль Мэ.

Чхун Хян покраснела, как кумач, и опустила голову. У нее сильно заколотилось сердце. «Как же

мать может спрашивать о такой вещи?..»

– Хозяйка, какой вы недогадливый человек! Уже давно Чхун Хян душою у Мон Рёна в его кабинете. Чего вы еще хотите услышать от нее? – подал свою реплику и Панчжа, сидя на корточках у ступенек и слушая этот их разговор.

– Ах, глупенький... Говорю я это потому, что обрекла себя с дочерью на такую же участь, поверив янбану.

– Янбан янбану рознь...

– Отец Чхун Хян тоже поклялся вот точно так, как твой молодой господин. Но после ухода в Сеул он словно забыл о своей клятве. И в конце концов мы с дочерью и оказались вот в таком положении.

– Хватит вам сетовать на свою судьбу, и слушайте меня. Я хорошо знаю нашего молодого господина и ручаюсь за его искренность и верность своему слову. Лучше уж накрывайте стол вместо такой тирады...

Воль Мэ посчитала, что их бракосочетание суждено самим богом, и дала свое согласие с глубоким удовлетворением.

«Говорят, когда рождается богатырь, для него обязательно появляется драконоподобный конь. Как родилась моя Чхун Хян в Намвоне, для нее и явился на свет этот Ли Мон Рён», – подумала она.

– Господин, не обижайтесь на старуху за чрезмерную требовательность. С тем, что вы не можете выполнить свадебных обрядов, я смирилась, но прошу оставить след вашей кисти – свадебную клятву, – сказала мать Чхун Хян и пододвинула столик со шкатулкой для письменных принадлежностей.

Мон Рён не спеша наливал на тушечницу воду из пузырька, растирал на ней сухую тушь, густо мочил

кисть и писал на чистой бумаге стихотворение.

Пусть вершины гор Кымган
Превратятся в безбрежный океан,
Глубокое море Восточное –
В широкое ровное поле,
Но не изменится никогда
Данная мужчиной клятва.

Воль Мэ читала эти строки с глубоким волнением. Она выращивала единственную дочь, вкладывая всю свою душу в уход за нею. И вот теперь совершенно неожиданно нашелся достойный ее жених, и дает он клятву верности на всю жизнь. И у нее на глаза невольно навернулись слезы.

– Дочка моя, бережно храни это при себе. Надеюсь, что и ты будешь верна господину навек...

Воль Мэ отдала Чхун Хян стихи и ушла на кухню.

Мон Рён, глядя на Чхун Хян влюбленным взглядом, спросил:

– Чхун Хян, нравится тебе это стихотворение?

Она молча и украдкой приподнимала ласковый взгляд и исподтишка поглядывала на Мон Рёна. Оба опьянены безмерным счастьем в эту весеннюю ночь, благоухающую ароматами цветов.

Тем временем Хян Дан принесла с кухни стол, аккуратно уставленный бутылкой с вином и закусками.

Были приготовлены изысканные кушанья: салат из зелени, тушеный пеленгас, жареный перепел, сушеные морские ушки, шашлык из мяса, куксу, разбавленное бульоном, свежее кимчхи с приправами.

Мать Чхун Хян вошла, налила вина в серебряную рюмочку и предложила Мон Рёну.

– Вы живете не зажиточно, а приготовили такие замечательные блюда, – сказал он с восхищением.

– Я готовилась выдать дочку замуж за достойного человека. Думаю, что она, как хорошая хозяйка и помощница, должна уметь принять и угостить как следует высоких и дорогих гостей. Мужу трудно иметь авторитет среди людей, когда у него жена не умная и не умелая. Чтобы этого не случилось с моей Чхун Хян, я делала все, что могла, помогая ей познать как можно полнее семейные устои. Так вот она сама и приготовила это кушанье. Угощайтесь без стеснения, – ответила старуха.

Держа в руке рюмочку, Мон Рён произнес со вздохом:

– Мне хотелось бы сегодня выполнить свадебный обряд на этом месте. И мы с тобой, Чхун Хян, обменялись бы здесь рюмочками в свадебном наряде. Но, к сожалению, это невозможно. Давайте выпьем это вино в знак клятвы в верности на всю жизнь. -

Он осушил первый бокал,' налил второй и, отпив из него немного, подал его Чхун Хян.

– Первый бокал, – продолжал он, – выпил я, как жених, а второй выпьем мы вместе, вдвоем с тобой для того, чтобы не изменить никогда в нашей пламенной любви и дожить до старости в мире и согласии.

Чхун Хян, получив рюмочку, чуть коснулась ее губами и поставила на стол.

Мон Рён налил еще рюмочку и предложил ее Воль Мэ.

– Дорогая теща, вы тоже должны выпить в такой радостный день.

Получив рюмочку, старуха проговорила дрожащим голосом:

– Безмерно рада я тому, что сегодня моя дочка вверила тебе свою судьбу. Но в то же время грустно мне при мысли, как вырастила ее одна в слезах. Вспоминается также и отец ее...

– Не надо думать о прошлом, о прожитых днях. Осушите поскорее рюмочку, – утешал ее Мон Рён.

Она охотно выпила две-три рюмки, угощая зятя вином и закусками.

Между тем на кухне Панчжа настойчиво упрашивал Хян Дан налить ему стаканчик вина. Когда уберут стол с вином и закусками во флигеле, ему же достанется все, что на этом столе, но он не мог ждать и пришел к Хян Дан попросить стаканчик.

– Хян Дан, а ты знаешь по чьим усилиям случилось сегодня такое радостное событие? Нельзя же так холодно относиться ко мне, – ворчал он.

– Кто же это относится к тебе холодно? Ведь и в прошлый раз, когда ты сопровождал молодого господина, нацедила я тебе целых три чашечки рисовой браги, – ответила Хян Дан, стрельнув в него своими острыми глазами.

– То дело уже прошлое. А нынче я вправе выпить бы рюмочку первый, а вон как оставляют меня без внимания.

– То есть как это ты вправе первый?

– Скажу это сейчас же, а сначала налей-ка стаканчик.

Добрая девушка накрыла ему столик с чашкой вина и закусками, подала еще и миск с паровым хлебцем.

Панчжа хлопнул чашку вина и произнес:

– Ах, какое вкусное вино!

– Это же высшего сорта.

– Тогда дай еще чашечку. Я испытываю великое счастье, когда ты, Хян Дан, наливаешь мне такого вкусного вина. Впрочем, ты знаешь, благодаря чьей заботе Чхун Хян нашла себе такого славного жениха?

– Конечно, это благодаря тому, что, во-первых, того достойна моя госпожа. Во-вторых, умен твой молодой господин. А, в-третьих, – добра наша старая хозяйка.

– Нет, во-первых, благодаря усилиям вот этого самого Панчжи. Потому, что именно я сопровождал господина, вышедшего на прогулку к беседке Кван-хан в весенний праздник тано. Не кто иной, как этот самый Панчжа рассказал ему о красоте и уме Чхун Хян, привел его сюда и передал ей письмо нашего господина. Между прочим, мне очень обидно, что ты не понимаешь мою душу.

– О чем ты это еще?

– Я знаю, что ты добрая и умная. Но обидно, что ты не хочешь выслушать меня всерьез.

– Что ты говоришь? Я же даю тебе вина и каши, когда ты просишь их.

– Человек живет не одной лишь кашею да вином. Ему нужны еще и любовь, и чувство долга. А ты, Хян Дан, нисколько не понимаешь мою душу. Как мне это обидно и досадно.

– Ты, видно, опьянен.

– Мы с тобой из семей простолюдинов. Между нами нет никакой преграды. Так что не надо нам писать клятву верности на всю жизнь. Если ты

согласишься, пойдем мы, как жених и невеста, к моей бабушке и отвесим ей низкий поклон без всякой церемонии, как подобает бедным людям. Обрадуется она этому безмерно. Ну, отвечай...

В этот момент и позвали Панчжу из флигеля. Он словно бы проснулся ото сна, поднял голову и обескураженно озирается вокруг. Хян Дан вместе с матерью Чхун Хян входит на кухню со столиком на руках.

– Панчжа, теперь твоя очередь. Ешь вдоволь. Ты, небось, голоден, – сказала старуха.

Во флигеле остались только Мон Рён и Чхун Хян. Они некоторое время не проронили ни слова. В комнату лился лунный свет. Легкий ветерок нес ароматы цветов, с листьев дружной травы во дворе падала хрустальная роса.

Мон Рён подсел к безмолвной Чхун Хян и взял ее руки в свои.

– Чхун Хян, я никогда не испытывал такой радости, как сегодня.

– Может, впредь будет еще более радостный день.

– Нет, я не буду так рад, даже если выдержу успешно экзамен на государственную должность и стану сановником... Что такое любовь? Думал, что я знаю что-то о любви, но теперь мне совсем не понятно, что же она такое. Объясни ты мне это.

– Как же мне объяснить вам то, чего не знаете вы, господин?..

Чхун Хян не могла досказать даже того, о чем думала, покраснела и склонила голову.

Она смахивала сейчас на алый цветок, сияющий в лучах утреннего солнца.

Так становилась все глубже любовь между Мон Рёном и Чхун Хян, а весенняя ночь была слишком коротка для этой счастливой четы.

Так они по вечерам ждали с нетерпением свидания и всякий раз расставались с досадою.

Но с течением времени они перестали чувствовать застенчивость, стали шутить и петь вдвоем песню любви.

Наша любовь высока,
Как гор Кымган вершина,
Так глубока она,
Как синее Восточное море.
Наша любовь ярка,
Как над беседкой Чхонсок луна,
Так красна она,
Как дикая роза на золотом песке.
Наша любовь чиста,
Как блестящая на траве роса.
Так горяча она,
Как наши с тобой сердца.

Мон Рён вглядывается в лицо Чхун Хян ласковым взглядом и говорит:

– Чхун Хян, любовь моя, какая ты милая и красивая! Какую радость и счастье ты мне принесла! А что я должен дать тебе в ответ? Золото, нефрит или жемчуг?

– Нет, мне ничего не нужно. Пусть всеми этими сокровищами пользуются высокопоставленные чиновники и богачи. А мне дайте только вашу искреннюю душу, неизменчивую никогда.

– Мудрые слова. Тогда скажи, какие у тебя желания.



– Желаю, чтобы вы, господин, скорее выдержали экзамен на государственную должность и стали вельможей и опорой страны.

– Спасибо. Когда я поступлю на государственную службу и добьюсь своей цели, мы вместе отправимся в путешествие и будем любоваться красотами природы восьми провинций.

– Будем во всех достопримечательных местах страны.

– Хорошо.

Любовь моя, моя любовь,
О ней поем мы вновь и вновь.
Вдвоем, как пара голубей,
Воркуем о любви своей.

Так молодая чета веселилась, то напевая песню любви, то декламируя стихи, то рисуя картины, и не замечали, как летит время.

А время неудержимо шло. С ветвей павлонии падали пожелтевшие листья, извещая о наступлении осени. Веяло прохладою во дворе, где расцветала огромная хризантема.

Однажды вечером Мон Рён и Чхун Хян смотрели в комнате известную картину Соль Гока «Слива в лунную ночь» и, восхищенные оригинальным почерком художника, стали сами рисовать «Красную сливу». Вдруг торопливо пришел Панчжа и сообщил:

– Господин, вас зовет наместник.

– В чем дело? Зачем я ему понадобился?

– Приехал посыльный из Сеула, и в канцелярии поднялась суматоха. Наместник приказал немедленно

привести вас.

Мон Рён успокоил Чхун Хян, у которой тревога мелькнула в глазах, и тут же вслед за Панчжою направился в канцелярию наместника. Оказалось, что отец неожиданно отозван в Сеул и спешно готовится к отъезду. Все подчиненные уездного начальника суетились, выполняя каждый свое задание. Канцеляристам и слугам шести палат приказано довершить дела, запрячь лошадей, подготовить паланкины и все дорожные принадлежности.

Когда Мон Рён вошел в кабинет отца, тот сердито встретил его.

– Где же ты пропадал?

– Был в беседке Кванхан.

– Зачем ты туда наведуешься так часто? Ходят недобрые слухи о тебе. Ты знаешь об этом?

– Какие недобрые слухи могут быть обо мне? Ведь я занимаюсь только в своем кабинете.

– Нехорошо, что сын янбана отлучается из дому, не зная, какое знаменательное событие произошло в семье.

– Могу предполагать, но какое же именно событие?

– Я назначен на важный пост в королевской канцелярии и поеду в Сеул, приведя в порядок все документы. А ты отправляйся завтра вместе с матерью...

Слова отца радовали Мон Рёна, но в то же время у него потемнело в глазах при мысли о Чхун Хян. Он почувствовал, как екнуло у него сердце, и, опустив голову, ответил:

– Я отправлюсь после, когда доведу до конца

здешние дела.

– Нет, тебе нечего беспокоиться об этом. Сейчас же собирайся в дорогу и завтра утром поедешь...

Мон Рён еле слышно ответил отцу какими-то словами и тяжелыми шагами вернулся в свой кабинет.

А тут посыльный уже начал упаковывать книги. Мон Рён гневно прикрикнул на него:

– Кто тебе приказал укладывать вещи?

– Велела хозяйка.

В этот момент в кабинет вошла мать. Она пригласила сына в соседнюю комнату и сказала ему:

– Садись, Мон Рён. Нашей семье улыбнулось большое счастье, а ты почему так сердит? Почему у тебя такой печальный вид? Знаю, что на днях ты часто ходил куда-то по вечерам. С тобой что-то случилось? Скажи мне.

– Мама...

Выговорил это слово, а дальше продолжать не мог. У него к горлу подступил комок, и на глаза навернулись слезы.

Он выложил матери все без утайки и заключил со слезами:

– Мама... Чхун Хян вверила мне свою судьбу, я то же связал с нею свою жизнь. Как же мне уехать одному, оставить ее здесь? Разве может так поступить человек, у кого не утрачено чувство долга?

– Неужели ты, сын янбана, поклялся всю жизнь прожить с дочерью кисэн? – переспросила она его в испуге.

– А почему нельзя так поступать?

– Если распространится такая молва еще до твоей женитьбы, ты погубишь не только себя одного, а и

всю семью...

Мон Рён откровенно и подробно рассказал матери о выдающихся личных качествах Чхун Хян и еще и еще раз упрашивал ее дать согласие на их женитьбу, но она категорически отказала ему в этом и осыпала его упреками.

Поздним вечером Мон Рён отправился в дом Чхун Хян. Шел он тяжело, испытывая сильное головокружение. Да, взять Чхун Хян с собою нельзя, но нельзя и оставить ее тут одну.

Трудно нарушить строгий приказ родителей, но ведь тогда столь решительная Чхун Хян может покончить с собой.

Тем временем Чхун Хян ткала шелк на ткацком станке, установленном в углу флигеля на деревянном полу. Мерно и приятно стучит станок, как и ее сердце. В челноке порвалась нить. Соединяя ее, она думает: «Сотку этот красивый шелк и сошью из него новую одежду господину».

Конечно, к каждому сезону шили ему роскошную одежду его мать с домашними портнихами. Но девушке хотелось одеть господина в одежду, сшитую ею самой, одеть, когда он будет в ее доме. Считая это своим долгом, она и решила выткать это шелковое полотно.

Ей казалось, что только вчера встретилась она с Мон Рёном около беседки Кванхан, а вот уже и наступила осень. Падают листья с павлонии, стоящей во дворе, и в воздухе веет прохладой. Она спешит со своим тканьем, охваченная желанием сшить господину обновку до наступления холодов.

Пришла Хян Дан из главного здания и сказала с удивлением:

– Госпожа, вам надо отдыхать. Можно заболеть от такого переутомления.

– Нет, мне ничего... А тебе нравится эта ткань? Хян Дан погладила ладошкою по шелку и ответила:

– Какая красивая! Вы настоящий мастер не только рисовать, но и ткать. Когда господин оденется в одежду из этого шелка...

– Хян Дан, пока не говори об этом никому... Впрочем, что случилось с господином? Он сказал, что приехал человек из Сеула... Когда наместник поедет в Сеул, он, может быть, будет сопровождать его...

– Не беспокойтесь, госпожа. Если господин поедет, он непременно возьмет вас с собою.

– Все-таки нужно бы узнать...

Хян Дан поспешно ушла, а Чхун Хян погрузилась в размышления.

«Когда господин возьмет меня с собою в Сеул, мы с матерью будем жить в столице. Как это хорошо! Там можно будет увидеть много нового, да и помогать господину в его учебе. Смогу я видеть воочию господина, который, заняв первое место в экзаменах на государственную должность, вернется домой с наградой короля в роскошной колеснице. Тогда жители столицы с завистью будут смотреть на нас...»

Перед глазами Чхун Хян вставал образ достойного и авторитетного господина, и сердце ее заколотилось от безмерной радости.

Вдруг через ворота вошла Хян Дан. Она хотела что-то сказать, но ушла без единого слова в сторону главного здания. Вслед за нею вошел Мон Рён. Он схватился за столб на деревянном полу, безмолвно вздрагивая плечами.

Чхун Хян, охваченная страхом, торопливо подошла к нему и, поддерживая его, вошла в комнату.

– Что случилось с вами? Поступило из Сеула печальное известие или вы подвергались упрекам?

Она спрашивала его в крайнем беспокойстве, а он молчал.

– Дорогой мой, скажите мне, что случилось у вас дома?

– Отец назначен на высокий пост в королевской канцелярии.

– Это же замечательное событие в вашей семье, а почему вы так горюете?

– Мне придется уехать, оставив тебя.

– А вы намеревались жить в Намвоне всю жизнь? Я не надеюсь, что вы возьмете меня с собой. Вы, господин, уедете в Сеул вместе с родителями, а я поеду после, распорядившись здесь в домашнем хозяйстве. Так будет лучше. Так что не о чем вам беспокоиться.

– Когда я поеду туда с матерью, нужна будет отдельная квартира для нас. Позаботьтесь о том, чтобы мы могли жить невдалеке от вашего дома. Как обрадуется тогда моя мать!

– Хорошая идея, но сделать так будет очень трудно. О тебе я ничего не мог сказать отцу. Сказал матери, а она только упрекнула меня. Мать говорит, что если распространятся слухи, что сын янбана еще до свадьбы возьмет с собою в Сеул дочь кисэн, то ему будет закрыт путь к государственной службе. Так что мне придется с тобой расстаться.

– Вы, господин, говорите, что неизбежна разлука, потому что я дочь кисэн? Тогда мне незачем больше

жить на свете. Ох, горька моя участь...

Мон Рён не может вымолвить на это ни слова, а Чхун Хян продолжает:

– Вы говорите это всерьез? Разве вы поклялись прожить вместе со мною всю жизнь *с* разрешения родителей? Я верила вам, когда вы пришли к нам домой глубокой ночью и дали клятву в верности на всю жизнь. А теперь вы предлагаете расстаться? Неужели это справедливо? Ох, как же быть мне одной дальше? Не могу я жить без вас. Ох, ох... Не знала я, что вы такой безжалостный человек... Дороже всего на свете супружеская верность, а вы нарушаете ее и хотите уехать один. Ой, что же мне делать?.. – горько рыдала она.

Тем временем Воль Мэ, спавшая в своей комнате, проснулась от рыдания дочери. Она встала и, одевшись, бесшумно подошла к раздвижной двери комнаты Чхун Хян и прислушалась. Несомненно там шла речь о расставании. Видимо, посыльный из Сеула принес весть о каком-то событии. Она вошла в комнату, открыв дверь, и сказала:

– Зачем ты так плачешь глубокой ночью?

– Господин уезжает в Сеул.

– Когда он поедет, ты должна идти вместе с ним. И нечего плакать.

– Господин говорит, что он не может взять меня с собой.

– Что? Господин, это правда?

– Дело обернулось скверно...

– То есть вы не можете взять ее с собой? Ах я, дура, не извлекла урока из своей горькой судьбы!

Старуха била себя кулаком в грудь и кричала дочери:

– Ты, бедняга, умирай сейчас же! Тебе не стоит жить больше на свете. Пусть господин унесет на себе твой труп. Не могу я смотреть на тебя, соломенную вдову. Я всегда советовала тебе выбрать себе пару, подходящую по сословиям, чтобы не раскаяться впредь. А ты, такая гордая, решила связать свою судьбу с этим господином, вот и случилась такая беда. Боже мой! Знала ж я, что ничего хорошего не обещает бракосочетание между янбаном и простолюдином, но никак не ожидала такого несчастья...

Она пододвинулась к Мон Рёну и продолжала:

– Скажите мне, пожалуйста, с какой стати вы бросаете мою Чхун Хян? В чем она виновата? Она не верна вам или какой-нибудь недостаток появился у нее в поведении и в работе? Чем она заслужила такое оскорбление? Неужели вам неизвестно, что нельзя бросать жену без семи оснований для развода?

– Теща, ваши слова еще больше мучат меня.

– Ведь тогда вы дали клятву любить Чхун Хян всю жизнь и не изменять ей никогда. А теперь вы хотите вот так бросить ее... Молодость у человека подобна весне для цветка. Красота моей Чхун Хян будет увядать от времени и никто больше не будет обращать на нее внимания. После вашего ухода она будет мучиться одна, проливая слезы без сна в этой комнате, и наконец умрет от душевной боли. С кем жить мне, этой бедной старухе, лишенной последней опоры в жизни? Ох, мое низшее сословие погубило и мою дочь. О, проклятие! Эти бедность и богатство, родовитость и неродовитость. Какой жестокий мир! Ой, ой...

– Дорогая теща, перестаньте горевать и слушайте меня. Я люблю Чхун Хян больше, чем вы. Я возьму

ее с собой во что бы то ни стало.

– Иначе нам с дочерью будет конец.

– Слушай, старушка. Я придумал хороший план. Но об этом нельзя говорить никому. Если люди узнают это, будет бесчестье не только нашей семье, но и всей нашей янбанской родне.

– О чем это вы?

– Ведь невозможно увезти Чхун Хян в паланкине на глазах у людей. Завтра я поеду вместе с матерью, охраняя паланкин с поминальной дощечкою предков.

– Ну?..

– Вы еще не догадались?

– Нет.

– Поминальную дощечку спрячу я в рукав халата и посажу Чхун Хян в этот паланкин. Все будет в порядке. Так что не беспокойтесь.

Выслушав его, Чхун Хян уставилась в него удивленными глазами и сказала матери:

– Мама, идите к себе в комнату. Какое у него трудное положение, раз он, янбан, говорит даже о такой вещи. Не вини его. Поскольку наша с тобой судьба зависит от него, то пожелаем ему доброго здоровья и успеха. Разлука неизбежна и незачем мучить уходящего такими словами. Хян Дан, уведи-ка мать к себе.

– Ох, боже мой, за какие грехи мне такая доля?..

Воль Мэ, глубоко вздыхая, уходит в свою комнату, поддерживаемая Хян Дан.

Когда Чхун Хян осталась вдвоем с Мон Рёном, она не могла сдержать нахлынувших чувств.

– Господин!

– Дорогая моя!

– Вы действительно оставите меня?

Она стряхнула золу со свечи и вгляделась в лицо Мон Рёна. По ее щекам ручьями струились слезы. Он вытирает ей слезы, а она поглаживает по его рукам.

– Господин, это, пожалуй, последний вечер, который мы проводим вместе. Мать моя, старая, вырастила единственную дочь и вверила меня вам, возлагая на вас всю свою надежду.

Она уткнулась лицом в подол его халата и снова зарыдала.

– Не плачь, Чхун Хян. У меня сердце разрывается на части, – умолял он ее, поглаживая по ее вздрагивающим плечам.

– Без вас для меня, подобной лишенному пары журавлю, не имеет никакого смысла и ароматный цветок весною, и полная луна осеннего вечера, и чудесный пейзаж природы. Только одна тоска заставит меня проливать горькие слезы без конца днем и ночью. Ох!

– Милая моя, перестань плакать. Ухожу я не навсегда и не забуду тебя ни на минуту. Наша разлука временная, и радостное новое свидание ждет нас впереди. Храни лишь верность в сердце и жди меня со стойкой волею. И я вернусь к тебе непременно.

– В роскошной столице немало красавиц да достопримечательных мест. У вас о такой деревенской женщине, как я, и о нашем Намвоне не будет и мыслей.

– Об этом не беспокойся. Пусть на свете сколько угодно красивых дам, но ты, Чхун Хян, моя однаединственная любовь. Верь в меня.

И он крепко взял ее за руки и не мог расстаться с нею.

В это время стремглав влетел слуга и сообщил:

– Наместник спрашивает, куда вы ушли. Ответили, что пошли расставаться с другом. Он велел сейчас же привести вас. Пойдемте скорее.

– Подготовка к отъезду закончилась?

– Да, все готово.

Со стороны ворот доносилось фырканье коня.

– Ну, счастливо оставаться, Чхун Хян.

Она попросила Хян Дан подать пищу и бутылку вина. Вскоре служанка принесла и поставила перед Мон Рёном столик с пищею и бутылкой вина.

– Господин мой, выпейте эту рюмочку, которую налила я вам в последний раз. А пищу эту берите с собой и кушайте в дороге, вспоминая вашу Чхун Хян.

Слезы ее капали в вино, которым наполнена рюмочка до краев.

– Когда увидите на пути в Сеул зеленую траву на берегу ручья, подумайте, что она отражает мою душу, полную тоски. Когда заморосит дождь за окном гостиницы, где вы остановитесь, считайте, что это мои слезы. До столицы очень далеко. Боюсь, как бы не захворали в таком дальнем пути. Жаль, что я не смогу ухаживать за вами в такой далекой дороге. Берегите здоровье. Прошу хоть изредка посылать весточку о себе.

Мон Рён выпил рюмочку и ответил:

– Не беспокойся обо мне. Весть я пошлю непременно. Не горюй слишком-то. До свидания.

Он достал из кармана зеркальце и отдал его Чхун Хян.

– На, возьми. Моя душа, подобно этому зеркалу, чиста. Пусть голову покроет седина, любовь моя останется верна. Ты бережно сохрани это зеркало до нашей встречи.

Она приняла подарок и сунула его за пазуху. Потом сняла с руки кольцо и передала его ему.

– У этого кольца, как и у моей любви, нет края, нет конца. Сохраняйте это колечко, как мою верность.

Мон Рён принял кольцо и глядит на слезы, что струятся по ее щекам.

В этот момент вбежал Панчжа и громко крикнул:

– Эх, господин, да разве можно так утомительно прощаться? Ваша мать готова к отъезду и ждет вас. Мон Рён встрепенулся и, поспеша к воротам, сказал:

– Прощайте, теща. Счастливо оставаться. Прощай, Хян Дан.

Он сел на коня. Чхун Хян держится за его седло.

– Счастливого пути, мой господин.

– Спасибо, любимая. Береги здоровье и жди новой встречи.

Сопровождающий слуга взмахнул кнутом и конь поскакал.

– Хян Дан, выйди вместе с госпожей на околицу, где стоит беседка Ори, – крикнул Панчжа, следуя за господином.

Хян Дан торопит свою госпожу направиться на околицу. И та, накинув на себя зеленое покрывало, вместе со служанкою пошла на околицу через лес, где деревья одеты в багрянец и золото.

Чхун Хян, прислонясь к столбу беседки Ори, смотрит на дорогу, ведущую в столицу.

Тем временем колесница супруги наместника уже переходит через перевал за околицей.

Последним едет на коне Ли Мон Рён. Одетый в синий халат, он то и дело оглядывается назад, в сторону беседки Ори.



Чхун Хян смотрит на него сквозь слезы.

– Ох, господин уходит, покинув меня! Хян Дан, я ничего не вижу. Посмотри, как далеко уехал господин.

– Видно только белое облако над перевалом.

Чхун Хян, обхватив красный столб беседки, всхлипывала:

– Куда дует ветер, туда и уплывают тучи, куда собираются тучи, туда и поднимается дракон. Так почему же мне нельзя идти за господином?

Шумел и лес вокруг беседки, словно откликаясь на горькое рыдание Чхун Хян. Куда же ушел Мон Рён, бросив свою любимую, убитую горем разлуки?

– Госпожа, успокойтесь, – уговаривала ее Хян Дан тоже со слезами на глазах.

Жестокий мир, делящий людей на сословия, заставил их вот так расстаться.

Ли Мон Рён исчез, как плывущее в воздухе облако, оставив лишь одно обещание вернуться когда-нибудь...

Часть вторая

Мон Рён ушел, оставив девушку в тоске и печали.

Чхун Хян старалась забыть о нем, прибегая к всевозможным занятиям. То она ткала холст, не давая себе отдыха с утра и до ночи, то брала в руки книгу – самое любимое свое занятие когда-то, то делала что-то по дому. Но разве ж можно выкинуть из головы и из сердца образ любимого?

Когда она оставалась одна в пустой своей комнате, перед ее глазами всплывало лицо незабываемого господина, дорогой ей образ бесценного человека, с кем вместе сочиняли они здесь глубоко сердечные стихи, рисовали картины и веселились, играя на каягыме. Когда она смотрит на надпись господина и подаренное им зеркальце, у нее щемит в груди и слезы текут ручьями, безмолвно и неудержно вздрагивают ее плечи. Никто ей в жизни не заменит его.

Вошла, тоже вся печальная, Хян Дан.

– Вы, госпожа, забыли слова господина, которые он сказал перед отъездом? Он же просил вас не предаваться печали, беречь здоровье и ждать его возвращения, – молвила служанка.

– Как же я могу забыть его просьбу? Но нашла на меня неуемная тоска по нему. Хян Дан, уже поздний вечер, иди и отдыхай...

Служанка ушла в свою комнату. Чхун Хян легла в постель с надеждою, что хоть во сне сможет увидеть своего господина. Исстари вон говорят, что когда снится любимый, находящийся вдалеке, он уж

никогда не появится наяву. Но теперь Чхун Хян ведь только во сне и может видеть своего Мон Рёна.

Легла я в постель,
Чтоб увидеть его во сне,
Но даже желанный сон
Так и не приходит ко мне.

Теперь все думы девушки сами вырываются наружу стихами. Поэзия влюбленных неудержима ничем.

И во сне и наяву
Грудь щемит от тоски по нему.
Мелькает перед глазами его образ,
Звенит в ушах несмолкаемый голос.

По милости бога ,
Мы встретились оба
И в верности поклялись,
Вместе остаться навеки.

Наша душа так чиста,
Что хрустальная речка.
Наша любовь так глубока,
Что дно безбрежного океана.

Наступила неожиданно разлука.
Когда же будет новая встреча?
Все усиливается тоска,
И не уймется она никогда.
Осенняя ночь длинна,
Зимнему вечеру нет конца.

Сияет лишь полная луна,
А слезы застилают мои глаза.

За тридевять земель отсюда
Красивая и шумная столица,
Где таится любовь моя,
Единственная надежда моя.

Душою всегда я с ним,
Но пойти к нему не могу.
А почему ни слуху ни духу
О господине моем дорогом?

Сколько раз уже повторилась
Смена летом теплой весны
И зимою осени золотой,
А его все нет и нет.

Когда же придет наконец
Любимый мой к нам домой
И счастье улыбнется вновь –
Долгожданное наше свиданье?

Между тем и Ли Мон Рён, оказавшийся наедине в Сеуле, ни на минуту не забывал о своей Чхун Хян. Он часто доставал из кармана подаренное ею кольцо и, глядя на него, погружался в глубокое раздумье.

Люди родились на свете
С равными правами каждый.
Но проклятое это сословие
Разлучило с любимой нас.

Бедняга, осталась она одна
И проливает слезы с горя.
При мысли о любви моей
Разрывается сердце мое.

Если бы крылья мне,
Полетел бы я сразу к ней.
Но несбыточна эта мечта,
И терзается только душа.

За окном дует ветер холодный,
Падают желтые листья с павлонии.
Стрекочет кузнечик в траве,
Навевая молчаливую тоску.

Жизнь не жизнь для меня
На этом свете без тебя.
Ни горы, ни реки, ни грозы
Нашей встрече никак не помеха.

Непременно придет весна,
Как ни сурова эта зима.
И мы увидимся снова,
Когда проснется мир ото сна.

Была у него любовь, была и забота. Ли Мон Рён с каждым днем все более и глубже осознавал необходимость скорее выдержать экзамены на государственную должность и усердно занимался учебой.

А тем временем наместник Намвона, заменивший Ли Хан Рима, перемещен на пост правителя Рачжу, а

на его место назначен Пен Хак То, проживавший в квартале Чахагор в Сеуле.

По слухам, этот янбан, выдвинутый на государственную службу благодаря подхалимству, склонен скорее к наживе и распущенности, чем к политике.

Люди боялись общаться с этим строптивым корыстолюбцем и заядлым развратником. Жители местности, где он занимал пост начальника, подвергались жестокой эксплуатации и гнету.

Чиновники Намвона во главе с начальником палаты делопроизводства приехали в столицу, чтобы сопровождать Пен Хак То, отправляющегося к месту нового назначения.

Новый наместник важно принял их.

– Начальник палаты делопроизводства, каково положение в вашей местности? – спросил он.

– Все в порядке, – ответил чиновник.

– Говорят, что там чудесная природа и немало красивых женщин?

– Да, наш уезд считается первым во всем самнамском районе.

– По слухам, у вас там есть настоящая красавица Чхун Хян?

– Так точно.

– Она жива и здорова?

–Да. ..

– Далеко ли отсюда до Намвона?

– Около двухсот пятидесяти километров.

– Скорее готовься к отъезду.

– Слушаюсь...

Чиновники поспешно вышли и зашушукались между собою, что населению их уезда не избежать беды.

Новый наместник назначил день отъезда и отправился в Намвон в роскошном экипаже. Его сопровождали спереди и сзади многие люди в нарядной форме чиновников.

На обоих боках экипажа развевались на ветру синие занавески.

– Эй, вы, разойдись! – громко раздавался крик, предупреждающий прохожих.

Кучер первого класса и слуги обслуживают экипаж с предусмотрительной осторожностью. И вот Пен Хак То, покинувший столицу, добрался до Чончжу. Устроив здесь передачу королевского указа о назначении нового наместника, он незамедлительно тронулся в путь и через станцию Осу прибыл в Намвон. Его торжественно встретили чиновники и слуги шести палат уездной управы, выстроившись по обе стороны чисто убранной дороги и держа в руках разноцветные знамена на шестах.

Двенадцать пар красивых кисэн в изящных нарядах тоже вышли на встречу нового наместника. Громкие звуки оркестра сотрясли весь городок, и все его жители от мала до велика вышли на улицу поглядеть на процессию, демонстрирующую авторитет нового наместника.

Однако люди чувствовали не радость, а тревогу при мысли, что новый начальник наверняка подвергнет их более жестокой эксплуатации и гнету. Перед его экипажем они не смогут даже поднять головы и должны будут кланяться, сидя на земле на корточках. И жители ведь всегда испытывают лютую ненависть к правителю.

Новый наместник Пен Хак То поднялся в беседку

Кванхан и переоделся для повышения престижа на глазах населения, только после этого направился в канцелярию местного начальника.

Там он принял торжественный обед в честь вступления на новую должность, а потом приветствия главного офицера и всех чиновников шести палат по очереди. Он хотел сейчас же получить от начальников палат доклады о личном составе и одновременно провести проверку кисэн по списку, но сдержался, учитывая установленный порядок. Ему не терпелось увидеть Чхун Хян, о которой слыхал еще в Сеуле. Среди кисэн, вышедших встретить его, он старался узнать знаменитую Чхун Хян, да это ему не удалось. Все же он остался доволен тем, что здесь немало красивых женщин.

Ему очень хотелось начать свою работу с проверки кисэн, но сделать так он не посмел и решил ограничиться поверхностным осведомлением о текущих делах.

– Начальник палаты делопроизводства, вы натуральный налог взимали со всех жителей уезда без исключения? – спросил он.

– В прошлом году во всех сорока восьми волостях Намвона был неурожай и у крестьян уже кончилось продовольствие. Потому многие из них никак не в состоянии внести натурналог, – ответил тот.

– Надо немедленно взимать натуральный налог сполна. Недоимщиков наказать палками, а протестующих бросить в тюрьму.

– Понял. Но крестьяне требуют зерновой ссуды.

– А имеется ли зерно для выдачи ссуды?

– Да, есть немного.

– Тогда выдай понемножку. А осенью взять обратно за одну мерку по две.

– По .две мерки, говорите?

– Маловато? Тогда собирай по три мерки...

И начальник палаты делопроизводства еще раз убедился, что этот янбан из Сеула – невиданно черствый и алчный человек.

– Слушаюсь. Ваше приказание будет исполнено. А документ составлю, как надо, – льстиво ответил начальник палаты делопроизводства, набивший руку на таких махинациях.

– Надеюсь, что вы со своими служебными обязанностями справитесь на славу.

– Понял вас, – ответил тот и ушел. Пен Хак То тут же вызвал начальника канцелярии и спросил:

– Когда будет проверка кисэн по списку?

– Они все уже явились.

Начальник канцелярии, словно ждавший этого момента, стал выкликать в поэтической форме имена кисэн, перелистывая книгу, в которой занесены их анкетные данные.

Лунной ночью на лодке легко
Вышел в море моряк из Нампхо.
Отвечай мне, моряк, не робея,
Что за имя у лодки твоей.
Может быть, Ран Чжу – орхидея,
Не найти имя лучшее ей.

Ран Чжу вошла, семеня мелкими шажками, подобрав юбку и прислонив подол к тонкой талии, и грациозно поклонилась.

Пен Хак То глядел на нее через раскрытый веер и думал, что она не так красива, как само ее имя.

Начальник канцелярии продолжал называть имена нескольких десятков кисэн, подбирая хорошие выражения, чтобы показать правителю редкостную красоту намвонских женщин.

А как только кончилась проверка кисэн по списку, наместник нахмурился и буркнул:

– Начальник канцелярии, это что – и все красавицы вашего уезда?

– Так точно, все.

Правда, среди этих кисэн было немало действиительно красивых, но Пен Хак То хотел видеть Чхун Хян, широко известную своей красотой, а ее так и не назвали. Он позвал старшую над кисэн и спросил:

– Почему не явилась Чхун Хян на проверку кисэн?

– Мать Чхун Хян была кисэн, но она сама не является кисэн, – ответила старшая.

– Если Чхун Хян не кисэн, то как же ее имя так широко распространилось в обществе?

– Она дочь кисэн, но не выбрала себе эту профессию. Многие властные янбаны и знатные гражданские и военные чиновники, очередные местные правители хотели бы хоть раз повидать Чхун Хян, отличающуюся красотой и талантом, но она отказывалась удовлетворить их просьбу. А мать запретила ей даже общаться с соседями. Но, видимо, по воле бога, Чхун Хян связала свою судьбу с судьбою Ли Мон Рёна, сына бывшего наместника. Уходя в Сеул, он обещал ей взять ее в столицу после того, как выдержит экзамены на государственную службу. И Чхун Хян ждет его, храня верность.

– Вы, простолюдины, не знаете, какой знатный род у этого янбана. Разве он, сын сановника, намерен содержать любовницу в деревне, не успев еще жениться? Вам не избежать кары, если будете молоть еще хоть раз такую чушь. Впрочем, я твердо решил увидеть эту Чхун Хян. Приведи ее сюда беспрекословно! – закричал наместник.

– Чхун Хян не является кисэн, к тому же она поклялась в верности сыну бывшего правителя. Так что ее вызов может осрамить ваш авторитет, – осторожно проговорил начальник канцелярии.

Пен Хак То рассердился и заорал:

– Брось молоть ерунду! Если не вызовете Чхун Хян немедленно, будут наказаны начальники всех палат. Доставь ее живо!..

Всех чиновников местного присутствия охватил неописуемый страх. Начальник судебной палаты вызвал двоих полицейских и приказал им сейчас же привести Чхун Хян.

– Ну, на этот раз Чхун Хян попалась, – болтнул долговязый полицейский Ким, надевая войлочный колпак.

– Будет у нее большая беда, – добавил толстый полицейский Ли, затягивая красный пояс на узорчатом обмундировании.

– Слушай, ребята. Приказано подвергать телесным наказаниям тех, кто пожалеет Чхун Хян, – предупредил их начальник канцелярии.

– Ясно. Строгий приказ наместника будет исполнен. Ни на йоту ее не пожалеем, – ответили оба и заторопились к дому Чхун Хян.

Между тем Чхун Хян, не зная, что творится на

свете, денно и нощно думала только о Мон Рёне и проводила время в слезах, играя на каягыме грустные мелодии. Она потеряла даже аппетит и не могла спать ночами от тоски по любимому. Казалось, с течением времени у нее увядала красота и все усиливался болезненный вид. Тем не менее она, стараясь не показывать перед матерью своих слез, обращала все свое внимание на домашнее хозяйство и занималась даже ткачеством и шитьем.

Еще до ухода Мон Рёна она начала ткать шелковое полотно на новую одежду ему. Но когда он ушел, она прекратила это тканье от острой боли на душе. А недавно она кончила ткать шелк и сшила из этого полотна одежду для любимого. Ей подумалось, что он может прийти к ней вдруг, невзначай, без всякого о том известия.

Однажды вечером Воль Мэ подсела к дочери и сказала:

– Я понимаю тебя, доченька. На глазах людей ты делаешь вид, будто у тебя все как ни в чем не бывало, занимаешься разными делами. Но глянь на себя в зеркало и увидишь, как осунулось у тебя личико. Никто тебе и не посочувствует, даже если ты умрешь от болезни. А Ли Мон Рён, видимо, совсем о тебе забыл. Иначе он хотя бы разок да написал бы тебе письмецо за эти три года-то. И тебе надо забыть его. Ведь я же сказала тогда, что никак нельзя верить клятве янбана. Не видишь, какую беду навлекла я на себя, ожидая твоего отца? О чем только я не думала, когда осталась одна с тобою, грудным ребенком, на руках. Твой отец, вот так же уехавший в Сеул, тоже ни разу не дал знать о себе, а вскоре и неожиданно

умер. Мне не хотелось больше и жить в этом жестоком мире. Но я не могла покончить с собой, оставив тебя, и решила доживать свой век, предав все забвению. Только после этого я стала брать пищу в рот и спать по ночам. Прислушайся к совету матери, коли не хочешь сохнуть от душевных мук, ожидая напрасно человека, от которого ни слуху, ни духу.

У Чхун Хян навернулись слезы на глаза при мысли, какую острую боль на сердце испытывает мать, когда она вот так говорит.

– Ни в коем случае не умру я от душевных страданий. Ты обо мне не очень беспокойся.

– Посмотрим. Ты же высохнешь от тоски. Ох, боже мой...

Воль Мэ ушла в свою комнату, бия себя в грудь. А Чхун Хян проплакала всю ночь, уткнув лицо в одежду, сшитую ею для любимого, и легла наконец в постель, изнемогая до крайности.

Казалось, никаким лекарством не излечить ее болезнь. Однако Хян Дан со всей искренностью приготовила для нее лекарственный отвар.

– Госпожа, принимайте этот отвар. Из-за вас слегла и ваша мать. Вам надо скорее выздороветь, чтобы радушно встретить господина. Тогда и мать будет чувствовать себя хорошо.

– А когда же он придет? Может быть, когда расцветет цветок на камне?

– Господин придет непременно. Ведь он дал клятву, и он ее не нарушит.

Чхун Хян подумала, что непочтительно так лежать, нужно встать с постели, чтобы успокоить мать, и приняла лекарство.

Поднялась, привела себя в порядок и даже взяла в руки каягым.

Из инструмента полилась грустная мелодия. Она открыла окно и глянула в безбрежное небо. Откуда-то доносился печальный крик сплюшки. И по щекам ее опять заструились слезы.

И под аккомпанемент каягыма она запела:

Где ты, мой любимый?
Готова я прийти к тебе
Хоть за десять тысяч ли.
Пусть преградит мне путь
Крутой перевал Тонсон,
Но буду идти я без устали.

Думает ли он обо мне,
Тот, что живет в Сеуле?
А я не забуду его и во сне...

Этот задушевный напев проносится через забор над бамбуковой и над сосновой рощею, навевая грусть на людей.

Тем временем двое полицейских добрались до дома Чхун Хян. Остановив шаги у ворот, они прислушались к ее песне.

– Какая бедная эта Чхун Хян! Ли Мон Рён не человек, если он не позаботится о ней, – разговаривали они с сочувствием к бедной девушке.

Но они не могут не забрать ее, ибо им дан строгий приказ правителя. С жалостью постучали они в ворота, вошли во двор и громко спросили:

– Чхун Хян дома?

Девушка встрепенулась от неожиданного крика и открыла дверь. У нее от такой неожиданности екнуло сердце.

«Сегодня третий день после приезда нового наместника. Говорят, была проверка кисэн по списку и, видно, случилось что-то неладное», – подумала она.

– Добро пожаловать. Не ожидали мы вашего визита. Небось, нелегко было вам сопровождать нового правителя от столицы. А как он чувствует себя? – проговорила она с улыбкой.

– Как видишь, мы живы и здоровы. Наместник тоже.

– Поскольку вы были в столице, то, наверное, зашли и в дом бывшего нашего наместника Ли Хан Рима. А не прислал ли нам письмецо молодой господин?

– Мы не успели зайти туда по занятости. А как твое здоровье? По слухам, ты на днях захворала?

– Да, чувствую себя неважно. Ну, пойдемте в комнату моей матери.

В это время вышла сама Воль Мэ.

– Каким ветром вас занесло сюда? Решила я, что вы, ребята, порвали с нами. Вы не были такими раньше, когда жил у нас наш наместник Сон. Грешно же совсем забыть эту старую вдову.

– Хэ-хэ... Вы, старуха, не очень обижайтесь на нас.

– Раз пришли через такое долгое время, будьте у нас желанными гостями, хоть нечем вас и угостить.

– Хэ-хэ... Мы пришли не за угощением в бедном доме. Собственно... – моргнул глазами долговязый полицейский Ким толстому своему партнеру и ткнул его в бок.

– Что же вы так стоите? Войдемте...

И Воль Мэ повела их в свою комнату.

Хян Дан накрыла стол. Она уже успела изготовить обильные блюда. Хозяйка искусно угощала полицейских водкой и закусками. Вскоре они и опьянели.

В этот момент вошла Чхун Хян с деньгами и, подав их полицейским, сказала:

– Маловато, но возьмите, что у нас есть, вам на чай.

– Не надо. И без того мы так хорошо угощались...

– Ребята, это дарит вам моя дочь от души. Берите без стеснения. Прошу вас позаботиться о том, чтобы с нею не случилась какая-нибудь беда, – вмешалась Воль Мэ и сунула им деньги в руки.

– Это несправедливо, но делать нечего, благодарим, – сказали полицейские и, забрав деньги, ушли, шатаясь.

Начальник судейской палаты заключил обоих этих полицейских в тюрьму и намыливал им головы до тех пор, покуда они не протрезвились. Вместо них он послал на этот раз старшую над кисэн в дом Чхун Хян. Та давно смотрела косо на то, что Чхун Хян, отказавшись стать кисэн, сидит дома, храня верность молодому янбану, и злорадствовала по этому поводу, как могла.

– Чхун Хян дома? Выходи быстро! – заорала она от самых ворот.

– Здравствуйте, старшая! Вы по какому делу пожаловали к нам? Войдите, пожалуйста, – приветливо встретила ее Чхун Хян.

– Слушай меня, Чхун Хян. С каких это пор ты стала

такой гордой и почему не являешься даже по приказу наместника? Сейчас там начальники всех палат страдают от того, что ты, храня так называемую верность, не подчиняешься воле правителя. Пошли со мной скорее! – кричала она.

– Старшая, как вы можете позволить себе так оскорблять человеческое достоинство? К тому же я больная. Хоть умру, но не изменю своей верности, – ответила Чхун Хян спокойно.

В это время за нею прибежали полицейские. Она в коленкоровом платье привела себя в порядок и вышла из ворот.

Воль Мэ выбежала из своей комнаты и умоляла оставить больную дочку в покое, но никто из них не посмел нарушить приказ наместника.

Чхун Хян, покачиваясь из стороны в сторону, шла тяжелыми шагами в канцелярию местного присутствия.

– Чхун Хян явилась! – громко доложил начальник канцелярии.

Пен Хак То всмотрелся в лицо Чхун Хян, Сидевшей у ступеньки.

– Это, несомненно, Чхун Хян! Поднимайся вот сюда, – произнес он, очарованный ее необыкновенной красотою.

Чхун Хян невольно поднялась на деревянный пол канцелярии местного начальника и присела на корточки в углу.

– Посыльный, вызови сюда казначея, – приказал он с довольным видом.

Тут же без промедления явился казначей, чье лицо напоминало лисью морду.

– Случилось какое-то радостное событие? – спро-

сил он подобострастно.

– Смотри на нее. Вот она и есть Чхун Хян.

– Ах, какая грациозная и прекрасная! Не случайно вы, правитель, еще в Сеуле не раз говорили о ней. Стоит любоваться этой красавицей.

– Вы готовы сватать?–спросил наместник, громко смеясь.

Казначей замялся, не в силах сразу ответить на это. Он покашливал, качая головой, и наконец робко ответил:

– Дело получилось не совсем удачно. Следовало бы не приглашать ее, а послать к ней свата. Но поскольку она пришла, то надо прямо сделать ей предложение.

Пен Хак То рассмеялся, разинув рот, и сказал Чхун Хян вежливо и мягко:

– Слушай меня, Чхун Хян. Слухи о твоей красоте дошли даже до столицы. Поэтому я, отказавшись от другого высокого чина, добровольно приехал сюда, став наместником Намвона. Говорят, что сын бывшего правителя полюбил тебя. Но после его ухода кого ты выбрала себе вновь, чиновника или какого-нибудь сластолюбца? Скажи это без утайки.

Чхун Хян дрожала от возмущения, но взяла себя в руки и ответила тихим голосом:

– Хотя я и дочка кисэн, но не зарегистрировалась в официальный список кисэн и получила воспитание дома. А сын бывшего наместника навестил наш дом и предложил мне свою руку. И я с разрешения матери связала свою судьбу с его судьбою. Так что вопрос ваш неуместен.

Пен Хак То, выдавая себя за великодушного

человека, расхохотался и похвалил ее.

– И лицо, и речи – все прекрасно. У красивой женщины обычно легкое поведение, но в тебе сочетается прелестное, как цветок, лицо и чистая, как яшма, душа.

Это похвально. Впрочем, молодой Мон Рён, будучи сыном янбана знатной фамилии в Сеуле, уже бы стал зятем дворянина прославленного рода, занял высокий пост, выдержав экзамены на государственную должность, и жил бы в большой роскоши. И вряд ли он, вступивший тогда с тобою во временную связь, думает сейчас о тебе хоть минутку. Ты ведешь себя честно, стремясь хранить верность ему, но время не ждет. Раскаешься, когда будет увядать твоя красота и голову покроет седина, но тогда уже будет поздно. Твое поведение слишком наивное и напрасное. Чхун Хян, жалея молодость твою, с сегодняшнего дня я предлагаю тебе остаться у меня в покоях.

– О, правитель, как вы можете говорить такие слова? Ведь говорят, что верноподданный не служит двум монархам, а верная жена не меняет себе мужа. Пускай не вернется за мною уехавший мой господин, но клятве своей я не изменю до последних дней моих, как верные жены, чьи имена известны всему народу. Не могу подчиниться вашему распоряжению.

Казначей пододвинулся к ней поближе и сказал укоризненно:

– Послушай, глупенькая, что тебе скажу. Правитель ищет всю жизнь первую красавицу на свете и выбор свой остановил на тебе. Из-за скромности отказаться можно раз, другой, но никак не годится

упрямиться через меру. О какой же верности может быть речь у девушки такого низшего сословия, как ты. Когда ушел старый правитель и приехал новый, то, естественно, нужно служить ему как следует. Это наше правило. А чего ты отказываешься, болтая такой вздор?

Чхун Хян с презрением посмотрела на его отвратительное лицо и сказала:

– Неужели разная верность и почтительность у людей высших и низших сословий? Пример верности показали и кисэны. Хэсоская кисэн Рён Сон и кисэн Со Чхон прославили свое имя как верные женщины. Пхеньянская кисэн Воль Хян и чинчжуская кисэн Рон Гэ даже совершили бессмертные подвиги в борьбе с иноземным агрессором, а славные имена чхончжуской кисэн Хва Вор и андонской кисэн Ильчжи Хон вписаны в историю. Не оскорбляйте кисэн.

Лицо Пен Хак То исказилось от гнева.

– Ты хочешь подохнуть на «скамье страданий», не повинуясь приказу наместника?

– Никакая власть и никакая угроза не смогут заставить меня изменить мою клятву верности. Быть женою в нескольких домах все равно, что чиновник изменяет своей присяге и служит двум королям. Делайте, как хотите.

– Ах, мерзкая девчонка! Преступник, изменивший стране, подвергается по закону четвертованию, а нарушитель приказа правителя – ссылке и строгому наказанию.

– А что говорится в законах о наказании преступника, пытающегося брать себе в покои замужнюю женщину?



Разъяренный Пен Хак То ударил кулаком по столику с письменными принадлежностями. У него страшно дрожал подбородок, оборвался шнурок и с головы слетел головной убор.

– Убрать негодяйку! – крикнул он охрипшим голосом.

Вестовой подбежал, схватил Чхун Хян за волосы и потащил вниз.

– Эй, дворецкий! Приказано убрать девчонку!

Чхун Хян вырвалась из его руки и сама спустилась с площадки по ступенькам. Дворецкий поспешно подбежал и, толкая девушку в спину, бормотал:

– Ты, негодница, перед кем смеешь говорить столь надменно? Пощады не жди...

Грозные стражники набросились на нее и поставили ее на колени перед ступеньками. Бедная Чхун Хян упала на землю, на грудь ниспала изящная прическа ее темных волос. По обеим сторонам выстроились солдаты со всевозможными орудиями наказания и пытки.

– Эй, канцелярист судейской палаты!

– Слушаю вас.

– Будем умерщвлять эту ведьму избиением. Составь обвинительный лист.

– Слушай, Чхун Хян. Ты, будучи дочерью презренной кисэн, не подчиняешься строгому приказу правителя, ссылаясь на верность. Своей виной заслужила ты смертную казнь. И мы будем казнить тебя, чтобы другим не повадно было, – заявил канцелярист, предъявив Чхун Хян обвинительный документ.

Чхун Хян с трудом поднялась, взяла в руку кисть и, без колебаний написав «одна душа», отбросила кисть в сторону.

Он передал Пен Хак То документ с этой надписью, и тот задрожал всем телом от негодования.

– Что! «Одна душа»? Эй, посади эту негодяйку на скамью для пыток и бей до смерти!

Стражники повязывают Чхун Хян к скамье, а палач кладет перед скамьей связку орудий наказания и, большущей рукой подобрав подходящее, ждет следующего приказания. Чхун Хян закрыла глаза.

– Слушай меня.

– Слушаюсь...

– Бей ведьму беспощадно. Не вздумай, пожалев, бить мимо, а то и сам головы лишишься.

– Будет исполнен ваш строгий приказ. Нечего жалеть такую негодницу... Не шевели ногами, проклятая. А то сломается кость, – кричал палач.
А потом, подойдя ближе к скамье, шепнул Чхун Хян:

– Терпите один-два удара. Нет иного пути. Держите обе ноги вот так.

– Бей сильнее!

– Слушаюсь...

Палач взмахнул батогом и ударил Чхун Хян по коленям. Батог сломался и взлетел обломками в воздух.

Она стиснула зубы, но из ее рта вырвался стон.

«В чем моя вина? Почему так мучат меня?» – думала она.

Канцелярист судейской палаты и дворецкий, сидя на корточках у скамьи, считают и записывают удары.

Чхун Хян, протестуя против несправедливого

наказания, заявила:

– Палками не измените вы мою решимость быть верной мужу до последнего дыхания.

Тем временем жители Намвона собрались у ворот местного присутствия посмотреть, как ведут телесное наказание.

– Какой безжалостный правитель нашего уезда и как жесток этот палач! За что избивают такую честную и бедную девушку? Непременно отомстим им за это злодеяние, – шушукали они, обливаясь слезами от жалости.

Стон Чхун Хян разрывал сердца людей. Даже жестокий палач, сочувствуя жертве, стеснялся бить ее со всей силою, но опасался бить мимо на глазах правителя. При каждом ударе на плечах Чхун Хян, покрытых белыми лохмотьями, болтались темные перепутанные пряди, на стиснутых зубах запеклась кровь.

А Пен Хак То опять кричит, требуя бить жертву еще крепче.

Палка продолжает падать на тело Чхун Хян, но она, превозмогая боль, все протестует:

– Пусть меня убьют, но не буду повиноваться приказу наместника. Он оскорбляет замужнюю женщину вместо того, чтобы заботиться о жизни населения. Не избежать вам сурового отмщения за это.

Она потеряла сознание, и все окружавшие скамью отвернулись от этой трагической картины.

– Чхун Хян поистине верная женщина, такого примера трудно еще сыскать на свете. Просто глядеть больно на ее истерзанный вид, – поговаривали люди, плача.

Но Пен Хак То, задыхаясь от ярости, орал, точно зверь:

– Ну как, негодяйка? Посмеешь еще сопротивляться властям?

Она едва приподняла голову в полусознательном состоянии и ответила:

– Вы можете уничтожить меня физически, но не убить вам во мне мой дух.

И она снова впала в обморок.

А наместник все вскакивал с места и кричал:

– Ах, наглая мерзавка! Эй, палач, надевай на нее канту и брось ее в тюрьму!

Стражники подбежали, отвязали Чхун Хян от скамьи, накинули канту на ее тонкую шею и увезли за трое ворот. Там ее окружили кисэны и другие женщины, следовавшие за стражниками.

– Ох, как жалко нашу Чхун Хян! Очнись, милая! – говорили они, то разминая ей руки и ноги, то кладя в рот пилюлю.

– Оказывается, и в нашем Намвоне существует верная жена, в честь которой воздвигнут арку, – сказала кто-то из них.

В это время стремглав прибежала Воль Мэ с Хян Дан. Она обняла дочку в канте и зарыдала.

– Ах, доченька моя! Что с тобой случилось? В чем ты виновата и за что так мучили тебя? Чиновники и полицейские, за что вы изуродовали мою Чхун Хян? Как мне жить без нее? Ох, горькая моя доля... – сетовала она.

Хян Дан тоже рыдала, поглаживая израненную спину Чхун Хян, и промолвила:

– Ой, госпожа, какая страшная рана на вашем не-

жном теле! Как возмутится молодой господин, если увидит вас!..

Воль Мэ, услышав слова Хян Дан, перестала плакать и сказала: Хян Дан, иди скорее и найди наемника.

– К чему тут наемник?

– Хочу послать его в Сеул к господину. Чхун Хян, едва придя в чувство, услышала их разговор и сказала матери еле слышным голосом:

– Мама, этого не надо делать. Если сообщить обо мне господину в Сеул, он заболел бы от душевных страданий, будучи не в силах оказать мне помощь. Пошли же в тюрьму...

Хян Дан шагает по дороге в тюрьму, неся Чхун Хян у себя на спине. Воль Мэ следует за нею, поддерживая край канги, а спереди и сзади идут надзиратели.

– Виданное ли это дело? Как жаль ее! Она настоящая женщина. А мы и не знали, что у нас в Намвоне есть такая верная жена, – галдели жители с восхищением, сопровождая несчастную Чхун Хян.

Когда они добрались до тюрьмы, полил обложной дождь и подул холодный ветер. Тюремщик отворил тяжелые ворота, закрытые наглухо, и, пропустив Чхун Хян, снова затворил их с грохотом.

Воль Мэ упала у ворот и потеряла сознание. Хян Дан зарыдала, ударив кулаком по земле.

– Ах, нет ли пути спасения нашей госпожи?

Следовавшие за ними женщины тоже дали волю слезам.

– Как жалко Чхун Хян! Не избежать ей смерти в этой страшной тюрьме...

Так у стен тюрьмы и поднялось всеобщее народное стенание.

А в самой тюрьме было сумрачно и жутко. Кругом густо рос бурьян, угрюмые деревья бросали длинные тени.

Чхун Хян, лежавшая без сознания на холодном полукамеры, очнулась от острой боли во всем теле и приподнялась, держа обеими руками канту, давящую ей шею. Молча оглядывалась вокруг. Сквозь полуразбитое окошко проникал сюда ледяной ветер, по темным стенам ползали клопы.

По щекам ее слезы лились ручьями. Вдруг к окошку подошли мать и Хян Дан. Видимо, надзиратель пропустил их тайком от начальника тюрьмы.

– Ох, доченька моя, за что тебя заключили в такое место? – проговорила мать, схватившись за решетки и задыхаясь от волнения.

– Мама, зачем ты пришла сюда?

– Как же мне одной усидеть дома без тебя? И я буду с тобою здесь. Пускай хоть убьют нас с тобою вместе.

– Мамочка, не мучайся так и иди домой. Они не смогут убить невинную. Не беспокойся. Я не умру. А если ты не вернешься домой и будешь продолжать рыдать здесь, то я бы померла от горя.

Надзиратель подошел к камере и предложил поскорее уйти. Воль Мэ повернулась и пошла, качаясь из стороны в сторону.

А Чхун Хян подозвала Хян Дан и попросила:

– Хян Дан, обо мне не беспокойся. Ты позаботься о матери. Надо поить ее рисовым отваром и лекарствами. Приглашай соседок утешать и успокаивать ее.

– Госпожа, об этом не беспокойтесь.

– И не горюй слишком-то. Когда выйду из тюрьмы, если останусь в живых, в долгу перед тобой не останусь. Возвращайся вместе с матерью поскорее домой.

– Госпожа, берегите здоровье...

И Хян Дан, всхлипывая, словно ребенок, вышла из ворот тюрьмы вместе с Воль Мэ.

А в тюремной камере воцарилась тишина, и одинокую Чхун Хян вновь охватила нестерпимая печаль.

Неутешно плача, она погрузилась в глубокое раздумье.

«В чем моя вина и перед кем? Я не украла чужую вещь, не совершила никакого преступления, а зачем на меня надевают канту? Ведь не в силе бог, а в правде. А знает ли обо мне мой любимый? Но все равно я буду верна ему до конца своей жизни и верю в такую же его верность. Не может ли дождь, что моросит за окном, постучать в окно его дома в Сеуле и передать ему весть о моей тоске?

Волопас и Ткачиха встречаются в день чхильсок, невзирая на Млечный путь, преграждающий им дорогу, а какая преграда мешает моему господину прийти ко мне?

Хотелось бы превратиться в сплюшку, прилететь к нему глубокой ночью и печальным пением навеять на него тоску. Или превратиться в полную луну на небе и освещать лицо любимого ярким светом. В истории немало примеров, когда верноподданные, которым предъявлено несправедливое обвинение, подвергались ссылке и страдали за решетками, но, в конце концов, приходила пора реабилитации и их славные

имена передаются и теперь из поколения в поколение. Не придет ли такое время и для меня?..

Эту несчастную Чхун Хян может спасти только мой господин в Сеуле, который займет высокий пост после учения и экзаменов. Но когда же он наконец придет? Преграждают ему путь высокая гора и глубокая река или он еще не успел добиться своей цели? Ох, горькая судьба моя!..»

Тусклый свет луны проникал в камеру через окошко.

– Наверно, эта луна, взошедшая высоко в небе, может заглянуть и в дом моего любимого в столице. Скажи ты мне, небесное светило, что он сейчас делает там? – проговорила она с вздохом.

И снова разрыдалась, обняв копну волос, свисавших ей на грудь, и галлюцинации посетили ее.

Вот она взлетела в воздух и на облаках долетела до какого-то незнакомого места с неописуемыми красотами природы.

В бамбуковой роще стояла прелестная беседка, покрытая дивной росписью. Чхун Хян огляделась вокруг, где расцвели всевозможные пахучие цветы. Милая девочка в белоснежном платье подошла к ней и, сделав низкий поклон, спросила:

– Откуда вы, госпожа?

– Я из Намвона в Корее.

– Мы вас ждали. Войдемте в наш дворец...

Над громадными воротами висит вывеска с золотой надписью: «Быть навеки непоколебимым в верности», а под стрехою двухскатной крыши звенят на ветру колокольчики в форме карасей. Чхун Хян поднималась вслед за девочкой по яшмовым

ступенькам. Бесшумно открылись двери из красного дерева с изящными узорами магнолии. В широком зале сидели благородные женщины. Одна из них подняла руки и пригласила Чхун Хян.

– Я, ничтожная дочь кисэн из бренного мира, недостойна войти в такое священное помещение, – молвила она в ответ, краснея.

А та женщина взяла ее за руку, посадила рядом с собою и сказала задушевно:

– Это ты, Чхун Хян? Похвально. Мы слышали о твоем славном поступке. Захотели хотя бы разок увидеть тебя и пригласили сюда.

– Благодарю вас.

– Ты считаешь себя ничтожной оттого, что родилась дочерью кисэн. Но не может быть ничтожным человек, у кого такая чистая душа и красивое лицо, как у тебя. Здесь сидят женщины, которые хотя и из низшего сословия, но чьи имена высечены на арке, воздвигнутой в честь патриотки и верной жены, – продолжила она и познакомила Чхун Хян с ними.

Сидевшие здесь женщины были знакомы ей по книгам об их подвигах. Чхун Хян поднялась со своего места, отвесила им низкий поклон и сказала с почтением:

– Я хорошо знаю ваши славные имена и глубоко уважаю вас. Считаю для себя великой честью увидеться с вами.

– Мы очень рады, что ты так относишься к нам. Мы проливали слезы, узнав, что тебя постигла большая беда. Как ты страдала по вине этого жестокого наместника! – ответили женщины.

Они усадили Чхун Хян на ее гостевое место и

утешали теплыми словами, поглаживая ее по телу в синяках и кровоподтеках.

– Какие страшные муки она перенесла, раз так осунулось ее красивое лицо, – сказана одна женщина, обняв ее.

Чхун Хян снова дала волю слезам, уткнувшись головою в ее грудь.

– Наша Корея издревле известна как страна высокой нравственности. И среди наших женщин было немало таких, которые отдали свою жизнь во имя спасения Родины, когда иноземные агрессоры нападали на нее, или сохранили свою верность на всю жизнь, невзирая ни на какие невзгоды. Я тоже испытывала неимоверные мучения, сохраняя верность своему мужу, и наконец счастье свое нашла. Чхун Хян, и тебе обязательно улыбнется счастье, когда будешь до конца верна своей клятве в преданности, – проговорила другая женщина сердечным голосом.

Остальные женщины также рассказали ей о том, каким суровым испытаниям они подвергались, чтобы сохранить свою верность, и посоветовали стойко вынести всякие мытарства и доказать несгибаемую волю корейских женщин, навеки непоколебимых в своей преданности.

Тем временем зазвучала музыка и настежь открылись двери. На площадке под ступеньками танцевали под веселую мелодию милые девочки в изящных платьях, напоминающих лебедей с распахнутыми крыльями.

Женщины сказали Чхун Хян, что эти девочки – погибшие дочери тех, кто пал от жестоких пыток за сохра-

нение верности. Она с острой болью на сердце хотела подойти к ним, но никак не могла двинуться с места.

Тут одна из женщин и сказала ей:

– Пора тебе возвращаться восвояси. И не забудь никогда нашего совета.

Чхун Хян простилась с хозяйками великолепного дворца и стала спускаться по сверкающим ступенькам.

Вдруг откуда-то донесся звон колокола, и она пришла в себя.

«Дин-дин-дин» – продолжал раздаваться грустный звон со стороны колокольни, извещающий, что пробило пять утра. Прокричал первый петух.

Чхун Хян с трудом подошла к окошку и выглянула наружу. В небе висел серп луны и пролетала с жалобным криком стая журавлей. Какое грустное утро...

«Это не те ли птицы, что однажды передали письма молодых женщин их мужьям, находившимся в северном пограничном краю страны? Почему они так жалобно кричат? А не смогут ли эти журавли сообщить обо мне моему любимому на севере, куда они улетят?» – подумала она.

Она вспомнила утешительные слова знаменитых женщин во время галлюцинации и почувствовала облегчение на душе. Но смерть неизбежна, и когда же сбудется заветная мечта?..

В небе уже исчезли журавли и молодой месяц, собрались тучи и полил проливной дождь. Ветер свистел за решеткой, хлопала крыльями ночная птица, проснувшаяся от шума.

Чхун Хян вздрогнула и, вся съежившись, ждала

рассвета. Дождь превратился в ливень, и все вокруг вызвало на душе страх. Она снова упала на пол и закрыла глаза...

Так вот и шло у нее время в тюрьме.

А к тому времени Ли Мон Рён в Сеуле, денно и нощно увлекаясь книгами, стал знатоком конфуцианской литературы и произведений широко известных писателей.

Он учился у Чве Го Уна писательскому искусству, а у Ким Сэна – каллиграфии.

И вот он настал – экзамен на государственную должность. Мон Рён собирается держать его, набирая душевные силы.

В самый день экзамена он явился в зал, где состоится это ответственное событие. Уже собрались многочисленные ученые и экзаменующиеся, которые дружно кланяются перед красным пологом в торжественной обстановке. Звучит пленительная мелодия придворной музыки и танцовщицы танцуют танец попугаев.

Король подозвал к себе экзаменатора и приказал назвать тему сочинения. Бумагу, на которой написана та же тема, прикрепил на красном пологе старший приемщик королевских указов.

«Весенний цветок лотосового пруда
Никогда перемен знать не будет».

Мон Рён глядел в оба на тему сочинения, предался размышлениям, в каком стиле писать, и взялся за кисть. У него под рукой были свиток бумаги, добротная тушечница с орнаментами взвивающегося

дракона, в которой была разведенная водою тушь, и кисть из мягкой колонковой шерсти. Окунув кисть в жидкость туши, он одним махом написал сочинение таким размашистым почерком и стилем, каким писали Ким Сэн и Хан Сок Бон, и первым подал его экзаменатору.

Удивленный его работою экзаменатор передал бумагу в руки старшего экзаменатора. Тот с восхищением тут же оценил сочинение Мон Рёна.

– Почерк размашист, стиль прекрасен, каждое предложение – золотое изречение. Сочинение наполнено духом взмывающего в небо дракона и несущейся над морем чайки. Словом, автора сочинения стоит назвать гением пера нашего поколения...

И в конце концов Мон Рён занял первое место в первом туре экзаменов на государственную должность и его имя выведено золотыми буквами наверху королевского объявления о результатах экзаменов.

У лотосового пруда состоялась церемония в честь Ли Мон Рёна, занявшего первое место среди экзаменующихся. Дворецкий громко прокричал:

– Ли Мон Рён, Ли Мон Рён, сын старшего чиновника королевской канцелярии!..

Мон Рён, скоренько умывшись, шел следом за дворецким, переодетый в ритуальный халат с широкими рукавами. Когда он оказался за красным пологом, на котором была повешена цельная бумага с его сочинением, его угостили чаркой вина, подаренной королем.

После официальной церемонии Мон Рён возвращается домой в желтом ритуальном платье, которое

надевают молодые ученые, выдержавшие экзамен на государственную должность, в шляпе, украшенной бумажным цветком, подаренным королем, подпоясанный великолепным поясом с орнаментом журавля, верхом на коне.

Мон Рён выглядит действительно внушительным и бравым, его сопровождали люди, в руках которых были разные ритуальные предметы, включая и посеребренную именную дощечку чиновника королевской палаты ученых. За ними следовали малыши, нарядно одетые в парчовую одежду, играя в свирель из яшмы и ударяя в барабаны. И взрослые и малыши пускаются в пляску. На улицы наперебой выходят мужчины и женщины, в том числе и ученые, жаждущие полюбоваться необыкновенным зрелищем. Они восхваляли Мон Рёна и завидовали ему.

По установленному обычаю Мон Рён, выдержав государственный экзамен, три дня пробыл у учителей, родственников, в родовой молельне, где хранятся поминальные дощечки предков, у их могилы.

После всего этого Ли Мон Рён вновь явился во дворец. Король назначил его тайным королевским ревизором провинции Чолла и вручил ему ревизорскую форму и стандартную мерку, сделанную из латуни.

Сокровенное его чаяние сбылось, и он глотал слезы радости, думая о Чхун Хян.

Покинув дворец, Мон Рён возвращается к себе домой в приподнятом настроении, как охотник, поймавший тигра.

Попрощавшись с родителями, он немедленно отправляется в провинцию Чолла. Оставив позади за

собой Южные ворота, он с писарем, слугами и скороходами добрался до Чхонпха. Отсюда он проехал на почтовой карете Чхильпхэ и Пхальпхэ, а потом через понтонный мост прибыл в городок Квачхон. Пообедав здесь, он направился в Сувон, где и переночевал.

Наутро он снова тронулся в путь, проехал мимо Чинви, Чхонан, Кончжу, перемахнул через реку Кым и на третий день пути добрался до Ресана, откуда и начинается территория провинции Чолла.

Ли Мон Рён вызвал к себе писаря, слуг и скороходов и наказал им:

– Вы находитесь в городке, откуда начинается провинция Чолла. Вам следует, уважая государственные дела, вести себя надлежащим образом и хранить тайну королевского ревизора, а то не миновать вам казни.

А вот так обратился он к писарю:

– Пойдешь в Левую провинцию Чолла, обследуешь Кымсан, Мучжу и все другие города. Такого-то числа ты должен быть в Намвоне у беседки Кванхан.

– Будет сделано, – отозвался писарь. Слугам и скороходам Ли Мон Рён наказал:

– Пойдете в Правую провинцию Чолла и обследуете Рёньан, Хамер и все другие города. Такого-то числа прибудете в Намвон к беседке Кванхан.

– Повинуемся...

Потом он сопровождающему его лицу сказал:

– Пойдешь в Иксан, Тхэин и другие города, о которых я уже упомянул, обследуешь все, ничего не пропуская. Такого-то числа ты должен быть в

Намвоне у беседки Кванхан.

– Слушаюсь вас...

– Слушайте меня, – продолжал Мон Рён. – Как гласит пословица, лучше один раз увидеть, чем услышать сто раз. Обследуйте города без исключения и прибудьте пятнадцатого числа этого месяца в Намвон к беседке Кванхан.

– Будет исполнено...

И свита Ли Мон Рёна тронулась в путь, и он сам собрался в дорогу. Он притворился нищим, чтобы посторонние не узнали в нем королевского посланника.

Он плелся в дрянной шляпе с кольцом из кости и шнурками из хлопчатобумажной нити, в заплатанном верхнем халате с поясом из бумажной материи, с веером в руке. Веер с голой пластинкой украшен шишками. Заслоняя этим веером лицо от солнца, он ступал по земле Чончжу через западные ворота беседки Конбук. С вышки над южными воротами он любовался пейзажем известной достопримечательности самнамского района.

В старину Чончжу называли Вансан. Ли Мон Рён, знакомясь с обликом города и его действительностью, полюбовался на восемь достопримечательностей Вансана, а затем направился южнее, скрываясь от взоров посторонних. Он заметил, что уже ходят слухи о королевском посланнике и правители каждого города торопятся привести в порядок свои дела. И вряд ли и нижестоящие чиновники могут спокойно сидеть сложа руки. Канцеляристы и начальники канцелярий в местном присутствии потеряли сознание, чиновники судейской палаты были готовы дать

тягу, а многие чиновники местной управы впали в панику.

Ли Мон Рён добрался до Намвона в страдную пору, когда на полях слышатся крестьянские песни и звуки музыкальных инструментов.

Под раскидистым деревом развевается на ветру флаг с надписью: «Земледелие – основа основ на свете». Молодые хлеборобы, ударяя в гонг и большой барабан, пускаются в хоровод, другие в шерстяных колпаках танцуют с маленькими барабанами, а в центре круга один из хлеборобов, одетый в трехцветную полосатую блузу и подпоясанный синим поясом, ударяет в латунные тарелки и ритмическими тактами вращает головой длинные ленты на макушке шляпы.

Не поддаются никакому описанию мытарства крестьян, возделывающих хлеба в условиях засухи. Тяжело оросить рисовое поле, тяжело бороновать с помощью худощавого вола, тяжело высаживать рисовую рассаду в поливном поле. Но как ни тяжело работать в поле, стоит только зазвучать крестьянской песне, как усталость и всякие заботы будто рукой сняло.

Под самым деревом женщины снимают с головы корзинки с обедом и расставляют миски с кашей.

Когда умолкает веселая динамичная мелодия крестьянского оркестра, начинается умеренными тактами пение крестьянской песни: один запевает, а другие подхватывают хором:

Оеро сан-са-диё!
Украсим шляпу цветами,

Повеселимся в игре с цветами.
Оеро сан-са-диё!

Проливаем мы пот,
Капли пота станут плодами.
Земля, обрабатываемая нами,
Гораздо дороже золота.
Оеро сан-са-диё!

В августе и сентябре
Уборка будет урожая.
Хочется кормить рисом
И родителей престарелых,
И сыновей, дочерей.
Оеро сан-са-диё!

Одни богачи живут
В особняке великолепном,
А мы, хлеборобы, живем
Бедно под открытым небом.
Оеро сан-са-диё!

Наш Намвон страдает
От четырех недугов.
Недуг правителя – распутство,
Недуг предводителя – эпилепсия,
Недуг чиновников – пьянство,
Недуг народа – голод и смерть.
Оеро сан-са-диё!

Ли Мон Рён подходит к хлеборобам, то слушая их песню, то прислушиваясь к их разговорам. Тот, кто

запевал песню, кричит:

– Ребята, давайте пообедаем!

Те, кто играли на инструментах, и другие, кто пели песню, собрались обедать под деревом на лужайке.

За обедом все разговаривают и громко смеются. Когда кто-то из них напомнил, что идут какие-то слухи, одна миловидная пожилая женщина спросила:

– Простите, что вы сказали?

– Село облетели слухи о Чхун Хян, – ответил молодой крестьянин грубым тоном.

Тут же все загалдели:

– И я слыхал...

– А это правда, что Чхун Хян убьют, заключенную в тюрьму, в день рождения наместника?

– Правда.

– На свете нет такой верной мужу женщины, как Чхун Хян. Вряд ли убьют ее за то, что она отказалась от просьбы наместника быть его наложницей.

– Да, очень жалко ее...

Женщины с жалостью говорили сквозь слезы.

А тот же молодой крестьянин с гневом высоко поднял кулак и вскипел:

– Если убьют Чхун Хян, то парни – батраки из всех сорока восьми волостей Намвона не будут сидеть сложа руки!

Собеседники его подхватили:

– Да, ты прав. Надо рушить резиденцию наместника, кто выжимает соки из населения и ведет распутную жизнь!

– Тсс, тише, ребята. Там какой-то господин появился, – произнес старик, увидев Ли Мон Рёна,

который курил, сидя позади крестьян.

Крестьяне заговорили:

– Это, видать, дворянин-нищий.

– Держи язык за зубами. Идут слухи, что на днях появился тайный ревизор в провинции Чолла.

– К чему же тут тайный ревизор? Они одного поля ягода.

– Ты прав. Два сапога – пара.

– Ха-ха-ха...

Ли Мон Рён хотел было угоститься обедом у хлеборобов, но вынужден был покинуть их, ошеломленный молвою о Чхун Хян.

Неужели она сидит за решеткой и ее убьют в день рождения наместника? Коли это факт, то как мне быть? И как мне совестно, что за три года ни разу не послал ей весточки. Стремился я выдержать государственные экзамены, чтобы осуществить общее с Чхун Хян сокровенное чаяние. Но долго я не знал, что ее постигла такая беда. Как неловко мне ступать по земле Намвона...

Его терзала мысль о Чхун Хян, страдающей в застенке.

Правду ли говорили крестьяне?

И он зашагал, будучи в полном недоумении на этот счет.

Попадались ему на глаза старые, но крепкие хлеборобы в камышовых шляпах, занимавшиеся подсечным земледелием. Орудуя граблями, они протяжно напевали песню.

Обратимся к богу с петицией,
Обратимся к богу с просьбою,
Чтобы продлил он жизнь стариков,

Чтобы продлил он молодость юношей.

Старость не радость,
Старость не радость.
Зря стараться держать
Топор в правой руке,
Иглу в левой руке,
Чтоб остаться молодым,
Отталкивая наступающую старость,
Ухватившись за уходящую молодость.

Привязали крепко-накрепко
Время к приколу,
Но уходит молодость,
Приходит старость,
Морщины углубляются,
Сединой голова покрывается.
Утром был зеленым,
Вечером стал седым.
Грустно расставаться с молодостью,
Куда ж идут наши друзья.

Как в сентябре месяце
Спадают листья с клена
Один за другим,
Как в предрассветном небе
Исчезают звезды,
Они уходят из жизни.
Время течет беспощадно.

– Ну, хватит зря жаловаться на старость. Возьмемся за работу, – сказал кто-то из стариков,

взяв в руки лопату.

– Умереть от голода тяжелее, чем умереть от старости. Давайте начнем, – отозвались другие, взяв веревки, привязываемые к лопате.

Хлеборобы работали некоторое время без передышки. Вдруг один сгорбленный старик в камышовой шляпе, оставив работу, присел на бугорок и закурил. Он так сильно тянул трубку, что у него на щеках образовались глубокие ямочки, а затем выбрасывал облачко дыма.

К нему подошел Ли Мон Рён и вступил с ним в беседу. По привычке он обращается к старику на «ты». Старику это тоже привычно.

– Я бы хотел поговорить с тобой.

– О чем?

– Ведь ты сказал о голодной смерти. Сколько человек в этом селе обречено на голодную смерть?

– Зачем ты интересуешься голодной смертью? Не слыхал ли, что в прошлом году в селе Нам, расположенном вот за этим перевалом, выдался неурожай и люди массами умерли с голоду.

– Выдался неурожай, говоришь?

– Да, мало того, осенью прошлого года старший сын вот этого бородатого старика не успел погасить зерновую ссуду в три с половиной мерки и был доставлен за это в местную управу и умер от побоев. А у того вон старика, шамкающего беззубым ртом, чиновники отняли корову за то, что он не уплатил четыре мерки риса в погашение долга. От этого он потерял рассудок.

– Куда забрали корову?

– Говорят, что корову зарежут в день рождения

наместника для угощения гостей...

Старик, куря трубку из стеатита, отвечал на вопросы собеседника так непринужденно, что Ли Мон Рён вплотную пододвинулся к нему, закурил папиросу и спросил:

– А это правда, что наместник Намвона попросил Чхун Хян стать его наложницей, а она приняла его просьбу и живет у него в барской неге?

Старик, обиженный этим вопросом, разинул рот. Тем временем женщины, сидевшие позади него, нервно отреагировали на слова незнакомца:

– Ах, в своем ли ты уме?

– Повтори то, что ты сказал о Чхун Хян.

– Зачем ты клевещешь на чистую, как яшма, Чхун Хян?

Старик вскипел и с гневом спросил Мон Рёна:

– Откуда ты родом?

– Не стоит тебе знать об этом...

– Почему не стоит? Разве ты глухой или слепой? Почему ты говоришь неправду? На самом-то деле Чхун Хян отказалась от просьбы наместника и страдает в колодках. А как ты осмелился говорить, что она приняла просьбу правителя? Коли ты будешь так говорить, то никто не подаст тебе милостыню. Тогда ты умрешь с голоду... А этот Ли Мон Рён, ее любимый, уехал в Сеул, и о нем ни слуху ни духу. Такой негодяй не может быть чиновником.

– Что вы? Никак не пойму тебя.

– Чего не поймешь?

– Не понимаю, почему ты так зол на других?

– Потому что ты говоришь вздорные слова.

– Извиняюсь, если так... Ну, мужики, прощайте...

И Мон Рён расстался с ними, ошеломленный их

разговором о Чхун Хян.

Он поверил, что мужики говорят правду и что Чхун Хян осталась верной ему и жизнь ее сейчас висит на волоске. У него потемнело в глазах и трудно было ему держаться на ногах.

Его терзала мысль: если бы он взял ее в Сеул, то не стряслось бы такой беды.

И ему вспоминается день разлуки с Чхун Хян. Он как будто снова слышит ее всхлипывание. Она обречена на гибель. Как говорится, это скорее цветок оказался между огней, чем нефрит зарыт в грязи… Солнце уже заходит, его последние лучи отражаются на влажных лепестках цветов у горной тропы. Дикие птицы собираются садиться в гнезда, словно грустно провожая уходящее солнце.

Ли Мон Рён спешит в дорогу. Навстречу ему идет парень с тростью в руке, протяжно напевая стихи экспромтом:

Сеул далеко за горами,
Отсюда тысяча ли,
Мне отшагать осталось
Большое расстояние

За несколько дней.
Будь у меня крылья,
Мог бы долететь одним махом.
Как жалко Чхун Хян,
Она в мрачной темнице
Тоскует по господину Ли.

Кто же спасет ей жизнь?

А господин Ли уехал в Сеул,
О нем нет ни весточки.
Это ли долг дворянина?
Как он безжалостен и жесток!..

Ли Мон Рён прислушивается к этим напевам, остановившись у тропинки, в тени от большого дерева. Он признал в парне Панчжу и хотел было звать его по прозвищу, да передумал, закрывая лицо веером.

– Эй, где ты живешь?

– В Намвоне.

– А куда ты идешь?

– В Сеул.

– Зачем?

– Чтобы передать письмо Чхун Хян в дом бывшего правителя Намвона.

– Ты можешь показать мне это письмо?

– В своем ли вы уме, господин?

– Да.

– Слушайте меня. Никак нельзя читать чужие письма. Да еще письмо чужой супруги стоит ли и читать? Я очень спешу. Прощайте.

И Панчжа зашагал вперед. Ли Мон Рён окликает его:

– Эй, постой, Панчжа!

Тот с удивлением оглядывается.

– Откуда вы знаете меня, мое прозвище?

Ли Мон Рён подходит к нему, складывая веер. Панчжа узнал в нем своего господина, бросается от радости ему навстречу и всхлипывает, говоря:

– Ох, господин Ли. Уж не во сне ли это? Это я,

Панчжа, кланяюсь вам.

– Как здоровье?

– Спасибо, хорошо...

Панчжа вынимает из узелка письмо и отдает господину.

– Знаете, после вашего отъезда меня выгнали из присутствия, а госпожа Чхун Хян брошена в темницу. Сейчас ее жизнь на волоске. Вы должны спасти ей жизнь.

Ли Мон Рён спешит поскорее прочесть письмо и узнает почерк Чхун Хян.

Каждое слово, каждая фраза письма передает трагическую историю Чхун Хян и вызывает у него жалость, боль, грусть и гнев. Она обречена на гибель. Кто виноват? Ему было совестно, что любимая попала в темницу и томится на грани смерти. У него сердце разрывается на части.

Он читает письмо про себя сквозь слезы.

«Мой любимый, здоровы ли вы с родителями? После разлуки нет весточки от вас. Дикие гуси перелетают далеко то на юг, то на север. А почему вы, господин, не можете прилететь, как птица?

Я гляжу на северное небо, но ничего не видно, кроме облака. Тоска о вас раздирает сердце.

По ночам, когда в кустах махровой розы печально куковала кукушка и с листьев павлонии капали капли дождя, сколько раз я плакала, обуреваемая тоскою о вас, сидя у окна в одиночестве. Грустно жить мне одной без вас. И во сне проливаю слезы, тоскуя по любимому...

Новый правитель Намвона Пен Хак То бросил меня в тюрьму за то, что отказалась стать его

любовницей. Храню я верность вам, как сосна и бамбук не поддаются изменениям и под снегом и в суровую стужу. Пока я еще осталась жива, но скоро меня убьют.

Как ни просторен мир, но негде мне жить. Как ни светлы солнце и луна, но белый свет мне уже не мил. Шлю из намвонской тюрьмы мое последнее письмо. Желаю вам вечного счастья и доброго здоровья. Желаю, чтобы вы окружали заботой мою мать-бедняжку».

В конце письма были написаны ее собственной кровью слова: «От Сон Чхун Хян».

Когда Мон Рён читал письмо, из глаз его на бумажку капали слезы. Тогда Панчжа и разглядел лохмотья, в которые одет Мон Рён, и отшатнулся.

– Ой, господин! Что с вами? Что означает этот нищенский вид? А я надеялся, что вы прибудете сюда после государственного экзамена, будучи чиновником. Ох, господин, ну как же все это случилось? Теперь капут госпоже Чхун Хян, не миновать ей смерти. Никак не избежать ей гибели!..

Панчжа опустился на землю и отчаянно зарыдал, ударяя кулаком по земле.

Ли Мон Рён вскочил на ноги, сложив бумажку, и гневно бормочет:

– Прямо пойду с ревизией в Намвон!

– Что-о? Значит, вы – тайный ревизор?.. Да, господин? – очнулся Панчжа и с нескрываемым любопытством спрашивает об этом.

Мон Рён ошибся, необдуманно вымолвив и раскрыв свою тайну. И он решил укротить Панчжу, такого нетерпеливого болтуна.

– Эй, Панчжа, если я был бы тайным королевским ревизором, то сделал бы именно так. Но я стал настоящим нищим, а не ревизором.

Все же Мон Рён притворился нищим.

Но поскольку Панчжа много лет служил в присутствии и парень смекалистый, то и залез прямо в душу господина:

– Надуть вы можете кого угодно, но только не меня. Только назначьте меня слугою тайного ревизора, и я смогу разбить шестигранной дубинкой голову Пен Хак То.

– Коли ты сболтнешь глупость, то угощу тебя побоями.

– Ха-ха-ха, господин!..

И Панчжа бесцеремонно обнимает Мон Рёна, сует руку ему за пазуху и там что-то нащупал.

– Господин, что это? Кажется, это ревизорский жетон...

– Глупец, держи язык за зубами. Коли ты разгласишь чужую тайну, то голову тебе снесу.

– Господин, обо мне не беспокойтесь. Только не забудьте, что в день рождения Пен Хак То убьют госпожу Чхун Хян.

– Понятно. Только не знаю, когда день его рождения?

– Пятнадцатое число этого месяца.

– Правда?

– Да, это известно всему уезду Намвон...

Ли Мон Рён достает из-за пазухи бумагу, пишет несколько слов и, вложив ее в конверт, передает Панчже, сказав:

– Мне-то следует по делам зайти куда-то, а затем

направиться в Намвон. А ты по пути зайди к военачальнику Унбона и передай это ему. Потом ты должен быть в Намвоне, у беседки Кванхан на рассвете пятнадцатого этого месяца.

– Слушаюсь...

Панчжа тут же направился в Унбон, окрыленный надеждой на то, что там его ждет что-то ладное.

Когда он передал письмо военачальнику Унбона, тот удивился неожиданному тайному распоряжению: «Этого юношу держать под арестом, пока не будет нового распоряжения. Он не преступник и надо угощать его хорошенько три раза в день».

Военачальник вызвал к себе надзирателя и заставил его сделать все по тому же распоряжению.

И королевский ревизор Ли Мон Рён направился в Намвон. Поднявшись на перевал Паксок, он огляделся кругом. Высятся знакомые горы, текут знакомые реки. Вдали виднеется извилистая дорога, по которой он верхом на коне уехал в Сеул после разлуки с Чхун Хян, проливая горькие слезы...

Здравствуй ты, беседка Кванхан, и ты, мост Очжак. Вспоминаются дни, когда я ездил на осле среди зеленых ив, когда встречался с любимой на берегу реки, которая раскинулась, как Млечный путь, отражая облака.

Под мостом Очжак женщины занимаются стиркой, сидя вперемежку с девочками. Они разговаривают между собой.

– Ты знаешь?

– Что?

– Чхун Хян томится в темнице. Как жалко ее!

– Говорят, очень жесток новый правитель нашего

города.

– Он пытается насильно сломить высокую верность Чхун Хян, но она стоит насмерть.

– Вряд ли знает об этом господин Ли, уехавший в Сеул?

– Как равнодушен и бессердечен этот господин Ли!..

Женщины стирали белье, то сочувствуя Чхун Хян, то проклиная господина Ли.

Он оказался в беседке Кванхан на закате солнца. И птицы возвращаются в свои гнезда. Из беседки видна та самая ива, на которой висели качели. На них качалась Чхун Хян в красной юбке, мелькая среди зелени. Ива все же наводит приятное воспоминание. К востоку виднеется сквозь деревья дом Чхун Хян. Лотосовый пруд и клумба, видимо, остались такими, какими были и раньше. А Чхун Хян оказалась в мрачной темнице и, видать, горько плачет. Душу терзает все, что бросается ему в глаза...

Когда опустились сумерки, Ли Мон Рён появился во дворе дома Чхун Хян. Флигель рухнул, а крыша главного дома остается оголенной. Высокая павлония, торчащая из кустарников, оставлена на произвол стихии. Под забором бродит белый гусь с поредевшими перьями, печально выкрикивая и прихрамывая на одну ногу. Казалось, его укусила чужая собака. Под подоконником дремлет дворовый пес желтой масти, который лает на Мон Рёна, хотя он и был когда-то знакомым гостем.

– Не стоит тебе лаять на меня вроде хозяина. Куда делась твоя хозяйка? Почему только ты один встречаешь гостя? – бормочет Ли Мон Рён.

Он глядит на внутренние ворота, на которых раньше была приклеена написанная им надпись «Верность». Теперь она вылиняла и почти неразборчива. Он смотрит на раздвижную дверь, на которой была приклеена надпись «Весна». Но она отклеилась и печально болтается на юго-восточном ветру.

Ли Мон Рён делает несколько шагов, останавливается и осматривается кругом. Царит мертвая тишина. Он увидел, как теща варит в котелке рисовый отвар, то плача, то сетуя на свою долю.

– Ах, какая горькая участь моя. Как бессердечен господин Ли! Вероятно, он совсем забыл о моей дочери и не шлет ей ни одной строчечки. Ох, жалкая какая судьба... Эй, Хян Дан, иди сюда, смотри за очагом...

Теща выходит из кухни, идет к ручью, умывается, причесывает волосы, приносит к жертвеннику кувшин чистой воды, зажигает свечу, низко кланяется и молится:

– Прошу Вас, дух Большой Медведицы, спасти мою дочь... Вырастила я без сына только одну дочь Чхун Хян с желанием жить ей в неге. Но она и без вины после жестоких побоев была брошена в тюрьму, переживает неимоверные страдания и завтра пойдет под топор к палачам. Где же спасение? Желаю, чтобы дух неба и земли, дух Большой Медведицы принесли из столицы Ли Мон Рёна на крыльях облака, призванного спасти мою дочь Чхун Хян...

Ли Мон Рён, тронутый такой сердечностью тещи, думает: «Я стал ревизором благодаря моей теще, а не родителям. Как совестно, что я оставил эту тещу на произвол судьбы...»

Теща страстно молится, плача навзрыд, опять молится и рыдает:

– Ох, Чхун Хян, золотая доченька моя. Выросла ты без отца и попала в такую беду. Только не родилась бы ты, как моя дочь. Уж ты должна умереть по вине твоей матери. Ох, какая горькая участь...

Хян Дан выбегает и поднимает ее под мышки.

– Не надо, хозяюшка. Успокойтесь. Как быть, если госпожа Чхун Хян узнает, что вы так пали духом?

И Хян Дан, утешая хозяйку, тоже не могла сдержать слез. Они, обнявшись, вместе плачут.

Хозяйка, вытирая слезы, говорит:

– Хян Дан, я хотела бы покурить.

Хян Дан запалила трубку и подала ей. Хозяйка со вздохом берет ее в рот и поднимается на террасу.

– Хозяйка дома? – зовет хозяйку Ли Мон Рён.

– Кто там?

– Это я, господин Ли.

– Ага, сын Ли Пхун Хона?

– Ха-ха-ха, теща, вы ошиблись.

– Тещу зовете?.. Хян Дан, выйди узнай, кто там.

– Кто вы будете? – спрашивает служанка.

– Это я!

– Ох, кого я вижу!..

И Хян Дан всматривается ему в глаза, вытирая слезы. Услышав оханье Хян Дан, хозяйка выходит во двор и кричит:

– Какой негодяй избивает чужую девушку?

– Да нет, хозяюшка, пришел сеульский господин!

– Какой господин? Ах, это вы! Почему так долго задержались? Каким ветром вас принесло? Приехали, чтобы спасти Чхун Хян?..

Теща обрадовалась приходу зятя и обнимает его за плечи. Она ведет его в комнату и усаживает у светильника, чтобы полюбоваться на него. От старости зрение плохое да еще свет лампы такой тусклый, что она не может разглядеть лицо зятя. Она вынимает из стенного шкафа несколько дорогих свечей и зажигает их все сразу. В комнате стало светлее. Она интересуется, насколько изменился зять за эти три года. Лицо его остается таким чистым, каким было и раньше, а одежда на нем была дрянная. Он сам выглядит нищим среди нищих.

И мать Чхун Хян, ошеломленная таким его видом, спрашивает:

– В чем дело? Что с вами?

– Не описать словами жалкого состояния разорившейся дворянской семьи. Я поехал в Сеул, но не успел выдержать государственные экзамены и стать чиновником, как пропил все имущество семьи. В конце концов отец стал учительствовать, мать живет у своих родителей, а я пришел к Чхун Хян за деньгами. Но, оказывается, и ваша семья находится в плачевном положении.

От этих слов мать Чхун Хян не может даже спокойно вздохнуть и в отчаянии цепляется за грудь зятя, как за какую-то опору.

– Ох... Вы бессердечный человек. Раз уехали, не было ни весточки от вас, да вдруг вот появились нищим. Мы надеялись на ваше будущее, а что с вами случилось? Нет, опрокинутую воду не соберешь. И все это по моей вине. Не на кого мне жаловаться. Ах, как вы думаете, что делать с моей дочкой Чхун Хян?

– Теща, ты ошиблась во мне. Кажется, небо такое

вон равнодушное, но оно способно поднять ветер и облако, поразить любое на земле громом и молнией, – говорит зять в твердой уверенности.

– Дворянин изменился до того, что вот уж любит и подшучивать, – ворчит она.

– Я проголодался, прошу миску каши.

– Каши нет, – отвечает сгоряча теща, хотя у нее и было чем угостить зятя.

Хян Дан, озадаченная сетованием хозяйки, собралась с духом и обращается к господину Ли:

– Господин, я, Хян Дан, рада снова увидеться с вами. Поздравляю вас с приездом. Как здоровье вашего отца и матери?

– Спасибо. Наверно, тебе очень тяжело?

– Нет. Господин, прошу вас не обижаться на хозяйку за то, что она сгоряча сказала такую дерзость.

– Да, понятно.

Служанка обращается и к самой хозяйке дома:

– Хозяюшка, прошу вас не очень горячиться на господина. Зачем он пришел, преодолев такой далекий путь в тысячу ли? Пришел, чтобы повидать госпожу Чхун Хян. А что, если госпожа в темнице узнает, как хозяйка рассердилась на господина?

Хян Дан уходит на кухню, накрывает четырехугольный столик мискою каши, соленым перцем, кимчхи, приправленным сладким соусом, кружкою холодной воды, выходит из кухни и подает этот столик господину, поставив его перед ним.

– Пожалуйста, утолите голод этим, пока мы готовим горячие блюда.

– Спасибо, давно уже не брал я в рот такую пищу.

Ли Мон Рён охотно принимает столик и, смещав кашу и закуску в одной миске, съел это все подчистую.

Глядя на него, мать Чхун Хян с вздохом цокает языком:

– Видать, привык уже просить милостыню. Беспокоясь о судьбе Чхун Хян, Хян Дан говорит господину сквозь слезы:

– Господин, как вы намерены спасать верную вам госпожу Чхун Хян? Как можно спасти ее?

Тронутый ее сердечными словами, он пытается тешить ее.

– Не плачь, Хян Дан. Слушай меня. Вряд ли будет убита твоя госпожа. Коли она станет верной, как прежде, она не пропадет.

– Ох, все же дворянин умеет важничать и в таком жалком виде, – придирается к его словам хозяйка. Хян Дан снова обращается к нему:

– За такие слова вы уж не обижайтесь на нашу хозяйку. Поимейте в виду, что она страдает старческим слабоумием в эти дни, когда госпожа попала в такую беду... А вот готовы и горячие блюда. Приятного аппетита.

– Спасибо за угощение.

И Хян Дан подала ему заново приготовленную кашу и некоторые закуски.

За столом он погрузился в трудное раздумье. При мысли о Чхун Хян у него пропал аппетит. Он возвращает служанке накрытый столик и закурил.

– Не знал прежде, что мир перевернут вверх дном. Зло торжествует над добром. Без вины Чхун Хян сидит в темнице, а преступники веселятся на пиру...

Отряхивая пепел с папиросы, он сдерживает пылающий гнев и говорит:

– Теща, мне хотелось бы повидать Чхун Хян.

– Да, господин должен увидеть Чхун Хян. А то о любви не может быть и речи, – говорит мать Чхун Хян равнодушно, как бы сумасшедшая, что ли.

– Сейчас закрыты ворота крепости. Лучше пойдемте в пятом часу, когда барабанным боем оповестят об открытии крепостных ворот, – предлагает Хян Дан.

И вот наконец слышатся удары в барабаны.

Они идут в тюрьму. Хян Дан несет на голове посуду с рисовым отваром, с фонарем в руке, за нею следует хозяйка, последним – Ли Мон Рён.

Когда они добрались до тюрьмы, кругом стояла мертвая тишина.

А Чхун Хян во сне видит мужа. Он входит в темницу и садится рядом, одетый в красную одежду, в королевской короне. Она обнимает его, виснет у него на шее и делится с ним сокровенными своими думами...

Мать позвала Чхун Хян, но ответа не было.

– Теща, зови ее еще раз погромче, – просит зять с нетерпением.

– Не надо звать громче. Недалеко отсюда резиденция наместника. Подожди минуточку, – отвечает она.

– А чего бояться? Я позову ее... Чхун Хян! – зовет он ее полным голосом.

Чхун Хян очнулась и поднимает к окну голову в колодках, бормоча:

– Странно. Слышу знакомый голос. Это во сне или наяву?..



– Теща, скажи ей, что я пришел, – просит он тихим голосом.

– Если я скажу, что ты пришел, она может упасть в обморок. Лучше подожди спокойно. Чхун Хян услышала голос матери.

– Это ты, мама?

– Да, это я.

– А Хян Дан пришла?

– Да, госпожа, Хян Дан здесь, – отвечает служанка, пододвигаясь поближе к окну.

– Ну, прими рисовый отвар. Возьми хоть немножко, – просит мать.

Приняв миску с отваром, Чхун Хян говорит сквозь слезы:

– Мама, из-за меня, такой непочтительной дочери, ты обречена на такие мытарства. Ты уже состарилась, стала уж совсем старенькая, так что больше не приходи, а то споткнешься и больно ушибешься.

– Обо мне не беспокойся. Очнись. Пришел он, пришел!

– Пришел, говоришь? Кто пришел?

– Он пришел.

– Ой, как тяжко... Скажи скорее, кто пришел? Только что во сне я видела моего мужа и делила с ним сокровенные думы. Не пришел ли кто, случайно, с вестью о нем или, может быть, и за мною? Не поступила ли весть о том, что господин приедет в чине? Скажи, кто там пришел?

– Пришел твой господин, став нищим.

– Ох, что ты… Господин пришел, говоришь? Во сне видела его. А где же он?

– Чхун Хян! – зовет он ее, подойдя к окну вплотную.

Она в колодках подходит к решетке, протягивает руку сквозь нее, берет руку господина в свою и, всхливывая, говорит:

– Ах, кто это? Уж не сон ли это? Это вы, мой любимый? И во сне я не забывала о вас. Вот желанная встреча… Теперь я могу умереть без обды.

– А я и не думал, что ты так страдаешь, хотя бы и оказавшись в темнице.

– Как вы можете быть так равнодушным ко мне? После разлуки мы с матерью тосковали по вас и во сне и наяву. В тоске текли дни, месяцы, годы. Наконец вы приехали, когда я оказалась на грани смерти…

Она обвела его взглядом и, увидев в нем нищего, удивилась.

– Ох, господин, в чем дело? Что случилось? Я надеялась на вашу удачу, а что с вами?

– И дворянин может вот так разориться. Чхун Хян, обо мне можешь не беспокоиться. Только знай, что человек не пропадает, если даже само небо свалится на него.

Она некоторое время всхлипывает и обращается к матери:

– Три года я ждала господина. Но он появился как нищий. Ожидания не оправдались. Что же нам делать с ним? Потеряла я надежду на спасение. Мама, у меня к тебе просьба: продай мой шелковый длинный халат, что в шкафу с изображением феникса, парчовую юбку, серебряную шпилку с янтарной головкой, что хранится в шкатулке для жемчужного кольца. На вырученные деньги купи господину красивую одежду из рам и шляпу, головную повязку из конского волоса, обувь, халат. Не сегодня-завтра я умру, и мне не стоит

оставлять скарб после себя. Продай также комод с изображением дракона, шкаф с изображением феникса, трехэтажный гардероб и угощай господина вкусными блюдами и закусками. И после того, как меня не станет, обращайся к нему как ко мне самой.

Мать приняла ее просьбу как завещание и с болью на душе рыдает, бия себя в грудь.

Чхун Хян обращается к мужу с последней просьбой:

– Господин, слушайте меня. Говорят, что завтра, в день рождения наместника, убьют меня в конце пира. Прошу вас не уходить далеко, подождать за воротами и принять мой труп, когда палачи вышвырнут на улицу меня убитой. Лично вы, притворяясь могильщиком, снесите меня в нашу беседку, похороните в уединенном местечке, на солнечной стороне, за флигелем, где мы с вами провели веселое время после знакомства. Похороните меня в той одежде, в которой я умру. Позже, когда вы станете вельможей, перенесите мои останки в Сеул, вновь завернув в льняную материю, и захороните там, где покоятся все ваши предки. Пусть на надгробной плите высекут слова: «Здесь спит вечным сном Чхун Хян, которая ценила верность дороже жизни». Заходящее сегодня солнце завтра опять взойдет, но я, Чхун Хян, раз умру и уже не вернусь. Умоляю вас удовлетворить мою просьбу. Ох, какая горькая доля моя. Бедная мать, лишившись дочери и истратив все пожитки, пойдет по миру и умрет с голоду. Тогда вороны налетят на ее труп. Кому же останется охранять ее труп от их налета? Господин, моя последняя просьба – хорошенько присматривать за моей матерью. Ох, горькая

судьба моя...

Она горько рыдает, ухватившись за давящие ее колодки, а Мон Рён утешает ее:

– Не плачь. Пусть даже упадет небо, но человек не пропадет. Ты, кажется, совсем уж махнула рукой на меня.

Чхун Хян перестала рыдать и зовет Хян Дан.

– Госпожа, я здесь, – отозвалась служанка.

– Я понимаю тебя, а ты понимаешь меня. Так что ты, знаю, понимаешь то, чего я хочу. В трехэтажном гардеробе есть новая одежда, сшитая мною из само тканого шелка. Надень эту обновку на господина. Ты вместо меня помоги господину, чтобы он мог заниматься учебой без всяких неудобств и выдержать экзамены. Прошу тебя заботиться также и о моей бедной матери, чтобы она могла спокойно дожить остаток своей жизни. Я умру, но мой дух отблагодарит тебя за то, что ты выполнишь мою последнюю просьбу.

Хян Дан, ухватившись за решетку, всхлипывает и говорит сквозь слезы:

– Я готова исполнить все, чего вы захотите. Но не могу жить без вас, госпожа...

– Хян Дан, не плачь. Иди домой с мамой и господином, – уговаривает ее Чхун Хян.

Мон Рён, покидая темницу, обращается к Чхун Хян:

– Слушай меня, Чхун Хян. Если ты хочешь еще хоть раз повидать меня, то крепись.

– Господин!.. – зовет она его со слезами на глазах.

Тюрьму покинули все: и любимый господин, и рыдающая мать, и всхлипывающая Хян Дан.

Теперь слышится только трель ночной птицы. После свидания с любимым ей •вспоминается

прошлое. «Бог никогда не велел делить людей на группы благородных и презренных. В чем моя вина? Без вины меня бросили в тюрьму, где ждет меня смерть. А любимый господин появился как нищий.

Не судьба нам жить вместе. Как же «не закрыть глаза при смерти, навеки расставаясь с несчастным господином?..»

Ворох мыслей мучит ее. Она впала в забытье, проведя последнюю ночь в мрачной темнице.

Ли Мон Рён, покинув тюрьму, начал обследовать деятельность чиновников, обходя городок. Когда он оказался в местном присутствии, канцелярист палаты делопроизводства шушукался с чиновниками:

– Говорят, тайным королевским ревизором является этот господин Ли, сын бывшего нашего наместника. В глубокую ночь мы видели, как он в дрянном верхнем платье и шляпе шел в сторону тюрьмы вслед за матерью Чхун Хян, фонарем освещая дорогу. Думаю, он лицо подозрительное. Завтра будьте осторожны, чтобы ничего не случилось в конце пира, устроенного по случаю рождения наместника.

Эти слова удивили Мон Рёна. Он подумал, что чиновники кое-что почуяли.

Когда он оказался около военной палаты, военачальник наказывает подчиненным:

– Господа офицеры, вызывает подозрение тот нищий, который плелся с бабами по дороге к тюрьме. Вероятно, он является тайным ревизором. Уточните данные о его личности.

Услышав их разговор, Мон Рён подумал, что они действительно смекалисты.

А когда он оказался в местном присутствии, услы-

шал, как начальник канцелярии говорит те же самые слова.

Обследовав положение во всех шести палатах местного присутствия, он вернулся в дом Чхун Хян глубокой ночью...

А вот настал и день рождения наместника Пен Хак То.

Ли Мон Рён пошел к беседке Кванхан, когда еще не рассеялся утренний туман. На ходу он задумался над планом действий. То там, то тут мелькали сквозь лес человеческие фигуры. Это его заместитель, притворившийся военачальником, слуги и связные. Они, поднявшись в беседку, приветствуют ревизора и докладывают ему о результатах обследования. »– Повсюду слышатся голоса жителей, проклинаю-: щие наместника Намвона. Весною он дает взаймы им по одному яйцу, а осенью он берет у них за это по одной курице. И они обзывают его грабителем.

– Мало того, для предстоящего пира по случаю дня своего рождения Пен Хак То отнял у каждого хлебороба по т ри мерки риса, по три яйца, три ряна денег, три мерки конопляной ткани. У него во дворе клады битком набиты.

Ли Мон Рён, выслушав рапорты в общих чертах, приказал свите ожидать за воротами и объявить по сигналу о появлении тайного ревизора. А затем он встречает Панчжу, который вернулся из Унбона.

– Господин, ну в чем я виноват? Зачем вы приказали держать меня в унбонской тюрьме? – разобиделся Панчжа.

– .Не обижайся. Сделал я это для сохранения тайны. Ведь у тебя язык всегда чешется. Жди за

воротами и действуй по моему сигналу, сторожи задний выход, чтобы наместник не мог удрать через него, – сказал ему Мон Рён.

– Будет исполнено...

И Панчжа, окрыленный радостью, удаляется в лес.

Ли Мон Рён покинул беседку и стал наблюдать положение. Чиновники уже вышли на работу, и начали приходить правители из уездов.

– Тише, приехали гости из Имсиля.

– Тише, приехали гости из Коксона.

– А ну, давай дорогу! – кричит извозчик.

Громко звучат трубные звуки. Входят один за другим в резиденцию правители Сунчхана и других уездов, а также военачальник Унбона в великолепном военном мундире, с тростью в руке.

Пен Хак То, как виновник торжества, готовясь к пиру, приказывает подчиненным и слугам привести в порядок площадку и возвышение, где будет устроен пир, готовить музыкантов и актеров к концерту, резать упитанных коров, накрыть побогаче столики и строго следить за посторонними людьми.

Во дворе развеваются на ветру военные знамена и флаги разных цветов, звучит музыка струнных и духовых инструментов и танцуют красавицы-кисэн в зеленых кофтах и красных юбках. Всем этим Пен Хак То весьма доволен.

На возвышении расставлены обильно накрытые столики, за ними расселись приглашенные гости. Хозяин предложил спеть застольную песню, и полилась веселая мелодия «Предлагаем тост, примите тост...» Все это покрывается бодрым смехом.

В самом разгаре пиршества во двор входит Ли

Мон Рён в лохмотьях нищего и говорит:

– Передайте, стражники, доложите правителю, что зашел мимо проходящий гость, узнав о торжестве, чтобы выпить чашу вина и закусить немного.

– Ишь какой дворянин! Наш наместник сказал, чтобы мы не пускали никаких нищих в резиденцию. Пошел прочь отсюда! – отвечает стражник и толкает незваного гостя в спину.

– Передайте правителю, что я сказал: «Тот, кто выгонит меня, будет зваться собачьим сыном!» – заявил он.

Стража пытается выгнать его, а он настаивает на своем. Тут военачальник Унбона и обращается к юбиляру:

– Хотя и жалок его наряд, но все-таки, кажется, он дворянин. Лучше велите посадить его за столик, там с краю, и угостить чашей вина.

Предложение военачальника Унбона не по душе хозяину, он морщится, глядя на него, но скрепя сердце, говорит:

– Пусть будет по-вашему...

– Эй, скажи сему дворянину, чтобы он сел за столик! – обращается унбонец к слуге.

Ли Мон Рён, улыбаясь, говорит про себя: «Унбонец признал меня человеком. Вероятно, он узнал, кто я».

– Сегодня, кажется, унбонец не в своем уме. Если подпускать к себе поближе таких нищих, как этот, то можно лишиться и веера, и трубки, – недовольно бормочет Пен Хак То.

«Ты принимаешь меня за вора, а тебе кары не миновать», – подумал Ли Мон Рён.

Он оглядывается вокруг. Кисэн тянут умеренную мелодию, а высокие гости с аппетитом уплетают жирные блюда, ему же подали сломанный столик, на котором только салат, хлебцы да чаша вина. Он хотел было опрокинуть этот скудный да хромой столик, но подумал и решил этого не делать. Он подсел к унбонцу и, тыча его в бок, сказал:

– И мне дайте попробовать жареную грудинку.

– Чего тычешь человека в бок, когда хочешь грудинку? – бормочет унбонец и велит слуге: – Эй, подай этому дворянину грудинку!

– Нет, не надо. Нищему не стоит полагаться на чужие руки. Я сам возьму, чего захочу...

И он взял чужую тарелку с жареной грудинкой. Мало того, обходит с пустым блюдом все столики, отбирая себе закуски повкуснее.

Гости зашумели.

– Какое безобразие!

– Откуда такой нахал появился?

– Видимо, он не знает, куда попал.

– Какой жадный до еды-то!..

Невзирая на ругань и клевету, Мон Рён отбирает какие попало куски вкусных закусок и садится с полной блюдами тарелкой за свой столик, сказав:

– Теперь все в порядке. Так сказать, из песчинок получается целая гора.

Он берет в рот жареную грудинку и снова обращается с просьбой к унбонцу:

– Видимо, вон там сидит старшая кисэн. Я бы хотел послушать ее песню, выпивая такую ароматную водку из ее рук.

Унбонец не отказывается и от этой просьбы и

зовет ту кисэн:

– Эй, ты, налей этому дворянину вина и спой застольную песню.

Этим словам гости дивятся, хозяин выражает свое недовольство, а кисэн отворачивается в сторону.

Взглянув на нее, унбонец, выпучив глаза, грозно наказывает:

– Чего сидишь, и не пошевельнувшись, негодяйка? Раз я приказал, твое дело исполнять!

Повинуясь его приказу, старшая кисэн волей-неволей подходит к Ли Мон Рёну и наливает ему вина. Подняв чашу, он ждет, пока она споет эту песню. Но она не хочет петь застольную и отворачивается. Задетая ее рукою чаша опрокидывается. Мон Рён, вытерев рукавом вино со столика, взмахивает рукой, разбрызгивая на окружающих гостей и кисэн вино с рукава. Капли вина попадают и на шляпы хозяина и гостей. В зале поднимается суматоха. Гости ропщут с обидою:

– Что это за дворянин такой?

– Он с ума сошел, что ли?

– Вышвырнуть его вон...

Высокие гости хотели вышвырнуть нищего из зала, но многие из них на это не решились. На днях до них дошел слух, что ходит тайный королевский ревизор, и они предпочли относиться ко всему настороженнее. И правитель Сунчхана, собира- вшийся было выкинуть нищего из зала, шепчет что-то на ухо Пен Хак То, и тот тут же говорит:

– Давайте напишем стихи на память о нашей встрече, стихи на заданную рифму. Согласны?

– Это хорошая идея! – отозвались гости хором.

– Кто не успеет написать стихи, тот будет с позором изгнан отсюда, – добавил правитель Сунчхана.

– Да, это замечательная мысль. Я дам рифму. Хозяин некоторое время раздумывает и говорит:

– Подберите одну рифму к слову «кровь», вторую– к слову «песня».

Гости довольны, что хозяин задал хорошие слова, и дружно начинают писать.

Ли Мон Рён говорит:

– Благодаря заботе моих родителей я прочел немножко книг. И я могу написать стихи на заданную рифму.

Унбонец подает ему кисть, тушь и бумагу. И он прежде всех написал стихи:

Ароматная водка в золотом кувшине –
кровь тысяч простых людей.
Изысканные блюда на богатом столе –
сок сотен тысяч бедняков.
Когда капает капля свечи,
падают слезы народа.
Где раздается песня,
слышится там стенание.

Ли Мон Рён подсовывает лист бумаги со стихами под колени военачальника Унбона, спускается по ступенькам и покидает резиденцию, сказав:

– Слушайте, стражники. Скажите правителю, что прохожий путник довольно угощался вином и закусками на пиру и не забудет об этом никогда, даже в загробном мире.

– Такой невежа перебил веселье, – ропщет хозяин.



– Фу, выгнали негодяя и легче стало на душе, – говорит правитель Сунчхана.

– Ну, давайте выпьем, а потом полюбуемся Чхун Хян, – предлагает хозяин.

Когда речь зашла о Чхун Хян, гости заволновались.

Военачальник Унбона достает лист бумаги и читает написанные нищим стихи, чувствует что-то неладное и даже ахнул. Он увидел тот же самый почерк, каким написано было и письмо, полученное на днях через неизвестного парня. Мало того, стихи все равно что грозный приговор, адресованный прогнившим правителям уездов. У него сердце екнуло с испугу.

Унбонец показал эту бумагу правителю Имсиля, который передал ее в руки правителю Куре.

Каждый, прочитавший эти стихи, дрожит, как осиновый лист.

– Ох, кажется, вот-вот упадет небо! – вопит кто-то из них.

– Хозяин, простите, я уйду пораньше других, у меня есть срочные дела, – извиняется унбонец, поднимаясь с места.

Вслед за ним встает правитель Имсиля, сказав:

– И я должен тронуться в путь, потому что сегодня положено дать населению рис взаймы.

– Зачем вы торопитесь идти домой? – спрашивает Пен Хак То, пьяный и озабоченный испорченной атмосферой.

– Мне следует уйти, так как матушка ушиблась при падении, – отвечает правитель Куре, вставая следом за правителем Имсиля.

– Что сегодня с вами? Посидите еще немножко, сможете посмотреть, как казнят красавицу Чхун Хян, – говорит Пен Хак То и отдает распоряжение слугам:

– Пусть приведут Чхун Хян!

– Эй, дворецкий! Приказано сейчас же привести сюда Чхун Хян!

– Слушаюсь!

Слуги и солдаты бросаются в тюрьму.

У ворот крепости тайный ревизор Ли Мон Рён дал сигнал, и тут же начала действовать его свита в добротных рубашках, в новых шляпах, с шелковыми повязками на лбу, в новых лаптях с обмотками, с шестигранными дубинками со шнурами из оленьей кожи. Вестовой молнией ворвался в резиденцию, сверкая золотым жетоном, и громко крикнул:

– Явился королевский ревизор!..

Такие же крики раздаются у северных и южных, восточных и западных ворот, сотрясая землю и небо. Правители и чиновники в панике мечутся из стороны в сторону, размахивая руками, там и тут валяются столики и посуда.

– Пусть появятся начальники палат! – объявляет вестовой ревизора.

Когда явились начальники всех шести палат, дрожащие от испуга, их начинают лупить ревизорские солдаты шестигранными дубинками.

– Ох, конец нам пришел! – вопят они.

В панике не знают, куда деваться, не только начальники палат, но и все другие чиновники.

Правители уездов, приглашенные на пир, дали тягу. Кто-то, потеряв шкатулку с печатью, схватил кондитерскую коробку. Тот, кто потерял головную

повязку, хватает портянку. А кто потерял шляпу, заслоняет голову маленьким столиком от удара дубинки. Всюду валяются поломанные струнные инструменты и барабаны.

Пен Хак То, испуганный появлением ревизорской свиты, уползает в соседнюю комнату. Он чуть было не потерял сознание. Слуги, занятые работой на кухне, собирались бежать, отбиваясь от удара оторванной дверью. И они, избитые свитой ревизора, плюхаются на землю, прося прощения.

Наконец раздался громкий голос:

– Явился королевский ревизор!

Вмиг воцарилась неслыханная тишина. В резиденцию входят слуги с флагами и доской, на которой выведено слово: «Тише!» На площадке собрались начальники шести палат и другие чиновники, которые стоят в шеренгу, ожидая наказания.

На возвышение поднимается Ли Мон Рён в форме королевского ревизора и занимает свое место. Он отдал своей свите приказ наказать начальника палаты делопроизводства, заведующего канцелярией, старшего канцеляриста судебной палаты по мере их преступлений, снять Пен Хак То с должности правителя Намвона, закрыть государственные склады на некоторое время.

А затем ревизор повелел тюремному надзирателю:

– Приведите всех заключенных.

Королевский ревизор сам проверил все дела, отпустил невинных и возвратил в тюрьму виновных.

Последней на площадке появляется Чхун Хян, с трудом держась на ногах. Не успела она откланяться ревизору, как упала и лежит без движения.



Когда она входила через ворота во двор, оглядывала окружающих, надеясь найти среди них своего мужа, но его не было видно. Что с ним? Как же он равнодушен по отношению к ней... «Скоро моя жизнь исчезнет, как утренняя роса на траве, а где же он? Видимо, ему неловко повидать меня на людях среди бела дня, и он куда-то удалился». Эта мысль терзала ее и в конце концов она упала вот в обморок.

– В чем ее вина? – спрашивает ревизор надзирателя.

– Это Чхун Хян, дочь бывшей кисэн по имени Воль Мэ. Она ослушалась правителя и была заточена в тюрьму, – отвечает надзиратель.

– А .в чем она ослушалась правителя?

– Правитель велел ей остаться у него в покоях, но она отказалась, заявив, что будет верной до конца своему мужу.

– Значит, она заслужила казни. Пусть она скажет, чего хочет в последнюю минуту своей жизни, – говорит ревизор.

В этот момент Чхун Хян пришла в себя и отвечает:

– Нечего мне надеяться на вас, этаких правителей. Но хочу сказать, что моя последняя просьба – еще раз повидеть моего мужа, которого я видела на минуту вчера вечером и который, наверно, ждет меня за воротами, чтобы унести мой труп, коль палачи вышвырнут на улицу меня убитой.

Чхун Хян опять плюхается на землю и всхлипывает.

В резиденцию врываются женщины – жительницы Намвона, чтобы подать ревизору свои жалобы. Солдаты и слуги собирались было выгнать их на улицу, но сам

ревизор, увидев их, велел впустить их сюда.

Женщины со слезами на глазах просят:

– Освободите Чхун Хян. Слыхано ли, что есть на свете такая женщина, как Чхун Хян? Ни рубин, ни роза, кажется, не идут ни в какое сравнение с нею по красоте. Ее воля и верность не поддаются изменениям ни в бурях, ни под снегом. Освободите Чхун Хян. Мы надеемся на Вашу снисходительность.

– Понимаю вас, – отвечает ревизор.

Он вынимает из-за пазухи кольцо и велит слуге:

– Передайте это Чхун Хян.

Слуга с кольцом подошел к Чхун Хян и положил его на ее ладонь.

Она открывает глаза, смотрит и удивляется.

– Ах, яшмовое кольцо, что подарила я господину в минуту разлуки! Откуда оно взялось?

Чхун Хян оглядывается вокруг, надеясь, хотя бы случайно найти своего мужа. А его рядом не видно.

Тогда что же, это кольцо упало с неба или появилось из-под земли? А где же сам господин? У нее струятся слезы по щекам.

– Чхун Хян, взгляни на меня, – звучит голос ревизора.

Она поднимает голову и пристально всматривается в него. Она увидела в нем своего мужа и зовет его, глотая слезы:

– Мой господин! Господин!.. Оказывается, вы стали ревизором. Осенью, когда уехал господин в Сеул, я была обречена на гибель, а весной, когда вернулся господин как тайный ревизор, я воскресла. Уж не во сне ли я?!.

Ревизор спускается по ступенькам, поднимает

Чхун Хян под руки, и вдвоем поднимаются они на возвышение.

Во двор ворвались Воль Мэ, Хян Дан и Панчжа. Мать Чхун Хян говорит:

– Раз мой зять стал ревизором, то и я стала тещею ревизора. Прошло время, когда начальники шести палат своевольничали и оскорбляли нас. Я нарочно бранила и сетовала на своего зятя, чтобы посторонние не заметили, что он стал королевским ревизором. Как говорится, после горя вот она и радость. Сегодняшнюю радость принесла моя дочка...

Не было конца радости Воль Мэ. А Чхун Хян славится не столько красотой, сколько верностью. Какая прекрасная история!..

После ревизии государственных дел в Намвоне Ли Мон Рён отправляет Чхун Хян, ее мать, Хян Дан и Панджу в Сеул. Им завидует весь городок.

Чхун Хян покидает Намвон, охваченная и радостью, потому что идет в столицу, и грустью, потому что прощается с родным краем и людьми доброй воли.

«Прощай, родной дом, прощайте, беседка Кванхан и мост Очжак! Каждый год после зимы природа весной одевается в зелень, но вряд ли я смогу приходить сюда ежегодно», – говорила она про себя.

И уходящие, и провожающие глотают слезы в час разлуки.

– Прощайте, дорогие земляки!

– До свидания! Счастливого пути!..

Люди Намвона выходят за околицу, провожая «Верную женщину Намвона».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сон Чхун Хян –
героиня, любимая Ли Мон Рёна.

Ли Мон Рён –
герой, сын Ли Хан Рима.

Ли Хан Рим –
наместник Намвона, позже чиновник в королевской канцелярии.

Воль Мэ –
мать Чхун Хян, бывшая кисэн.

Хян Дан –
служанка в доме Воль Мэ.

Ла Ён Свэ (Панчжа) –
слуга Ли Мон Рёна

Пен Хак То –
новый наместник Намвона.